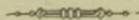


# ПУТЕШЕСТВІЕ

Д-ра Радлова чрезъ Алтай къ Телецкому  
озеру и рѣкѣ Абакану.



ТОМСКЪ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1881.



## ПУТЕШЕСТВІЕ

### Д-ра Радлова чрезъ Алтай къ Телецкому озеру и рѣкѣ Абакану.

Оріенталистъ и издатель образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ, живущихъ въ южной Сибири, В. В. Радловъ, въ бытность свою преподавателемъ въ Горномъ училищѣ въ Барнаулѣ, не однократно предпринималъ поѣздки по Алтаю. Одна изъ такихъ поѣздокъ къ Телецкому озеру и рѣкѣ Абакану сдѣлана имъ въ 1861 и описана въ *Ermans „Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland,“* 1864 г. т. XXIII, л. 1 и 2. Не смотря на то, что послѣ этого прошло уже болѣе 17 лѣтъ, сочиненіе Радлова досихъ поръ нисколько не утратило для большинства русскихъ читателей интереса новизны, такъ какъ оно никогда небыло переведено на русскій языкъ, и, кромѣ того, природа и люди, описываемые Радловымъ, не только неизмѣнились со времени его путешествія, но, по всей вѣроятности, неизмѣнятся еще много лѣтъ. Въ виду этого и принимая во вниманіе, что въ этомъ сочиненіи находится весьма много драгоценныхъ свѣдѣній относительно обитающихъ въ Алтай инородцевъ, между тѣмъ, какъ оно помѣщено въ журналѣ малораспространенномъ и не всякому доступномъ, мы намѣрены въ настоящей статьѣ передать подробное содержаніе сочиненія Радлова.

#### I.

Радловъ выѣхалъ изъ Барнаула 10-го Мая 1861 г., направивъ прямо къ Егорьевскому золотому прииску, въ Салаирскомъ краѣ. На пути его лежали почтовые станціи: Гоньбинская, Озерки, Тальменка и Боровлянка. Здѣсь, въ 90 верстахъ отъ Барнаула, надо было оставить почтовый

трактъ и испытать нѣкоторыя неудобства проселочнаго: лошади были, большею частію, плохи, запрягались нескоро, а отъ того происходили и задержки. По проселочному тракту слѣдовали станціи Шмакова, Баркова, Мамонова и Суенга. Между двумя послѣдними находится очень неудобная переправа черезъ рч. Бердь. До деревни Барковой—страна ровная, поросшая, большею частью, сосновымъ лѣсомъ; далѣе она становится нѣсколько холмистѣе. У деревни Мамоновой уже весь ландшафтъ принимаетъ горный характеръ; горы поднимаются все выше и выше, но однакожь ни гдѣ не видно особенно выдающихся. Главный хребетъ этой сѣверной вѣтви Салаирскихъ горъ тянется почти прямо отъ юга къ сѣверу. Онъ рѣдко поросъ лѣсомъ, преимущественно березою и елью, между которыми высятся не многія сосны. Отъ послѣдней станціи Суенга дорога лежитъ до Егорьевскаго промысла по берегу рч. Суенги. Промыслъ находится также при этой рѣчкѣ. Съ Суенги ясно видишь, что находишься въ горахъ. Дорога тянется по горамъ и долинамъ, то по правому, то по лѣвому берегу рѣчки; часто приходится прибѣгать къ тормазу.

Прежде, чѣмъ достигнешь Егорьевскаго промысла, надо перебраться чрезъ—нѣсколько довольно значительныхъ горъ. Онѣ, большею частію, голы и скудно покрыты желто-зеленой травою; во впадинахъ лежалъ еще снѣгъ; вообще ландшафтъ былъ лишень всякой прелести и свѣжести, такъ какъ листья на деревьяхъ были еще очень малы и облекали ихъ рѣдкимъ покровомъ. Послѣ перевала чрезъ послѣднюю гору, представляется долина, пересѣкаемая Суенгою, и по берегамъ ея золотой промыслъ. Онъ состоитъ изъ 100—150 деревянныхъ домовъ безъ всякихъ украшеній, большаго магазина и дома управляющаго промысломъ офицера; этотъ домъ былъ окруженъ небольшимъ садомъ и высматривалъ очень привѣтливо. На золотомъ промыслѣ Радловъ былъ принятъ очень дружелюбно и вполне вознагражденъ за дорожныя лишенія.

Егорьевскій золотой промыслъ—самый старій на Алтаѣ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ Салаирскія горы были посланы первые инженеръ-офицеры съ Урала. Противъ всякаго ожиданія, они нашли по Суенгѣ золото. Въ первые годы оно добывалось хорошо, но во время путешествія Радлова уже неразработывалось, какъ и по Касымѣ, въ 40 верстахъ отъ Егорьевска. Около этого времени

здѣшній управитель нашель золото на Лисъвинкѣ, въ 15 верстахъ отъ Егорьевска, — только не богатое, такъ какъ содержаніе его было 80 долей въ 100 пудахъ песку.

Рано утромъ на другой день лошади были уже осѣдланы и путешественникъ отправился на Лисъвинку. Характеръ горной цѣпи казался здѣсь тотъ же самый, какъ между Сулеягой и Егорьевскомъ: ряды холмовъ, широкія долины, то голыя пространства земли, то рѣдкій сосновый, барезовый и осиновый лѣсъ. Золотой промыслъ только что возникаль, а потому здѣсь была построена только избушка для храненія инструментовъ; что касается до работъ, то онѣ, большею частію, состояли въ проведеніи канала, который долженъ былъ отвести воду Лисъвинки. Промыто было только 2-хъ пудовъ песковъ, съ содержаніемъ 50 доль во 100 пуд. Между рабочими замѣчалось самое радостное настроеніе, такъ какъ они извѣстились уже о Высочайшемъ указѣ, освобождавшемъ ихъ отъ обязательныхъ отношеній къ Алтайскимъ заводамъ. Нѣкоторые изъ нихъ пѣли пѣсни, сопровождая ихъ игрою на балалайкѣ, и плясали.

Изъ Егорьевскаго промысла Радловъ отправился въ г. Кузнецкѣ. Положеніе этого города восхитительно. Послѣ переправы черезъ р. Томь дорога идетъ въ гору по крутому правому берегу рѣки. Когда, проѣхавъ нѣсколько верствъ, достигнешь гребня горы, предъ глазами открывається превосходный видъ. Пространная, величественная, зеленая долина перерѣзывается свѣтлымъ потокомъ Томи, на берегу которой тянется, въ разнообразной группировкѣ, городъ. Какъ будто съ почтеніемъ смотритъ съ высоты на городъ старая крѣпость. По другую сторону Томи змѣится во множествѣ излучинъ Кондома и впадаетъ въ Томь противъ самаго Кузнецка.

Во время подъема на гору, Радлову невольно припоминалась исторія этого стараго авариюста русской власти на Алтаѣ. Какъ много могли бы рассказать эти старыя стѣны! сколькихъ битвъ онѣ были свидѣтелями! Часто гѣснили ихъ дикія орды юга, и только мужество и смѣлость казаковъ, послѣ столѣтней борьбы, успѣли покорить эти орды. Впрочемъ, самый городъ неповрежденъ путешественнику и онъ называетъ его самымъ скучнымъ, какой только удавалось ему видѣть Назначенная для него отвод-

ная квартира была неудобна, нечиста, почти без мебели; улицы были почти безжизненны и на них попало только несколько крестьян или мѣщанъ, чивовниковъ, да инвалидовъ; самый городъ лежитъ частью на береговой возвышенности, частью на низменности, ближайшей къ рѣкѣ; къ нижней части ведетъ довольно трудная дорога; единственными каменными зданіями Кузнецка суть двѣ церкви, крѣпость и домъ одного купца; всѣ остальные дома — деревянные, безъ фундаментовъ, покосившіеся, большею частью, отъ времени. Рыпокъ состоитъ изъ большой четырехугольной площади, обстроенной съ двухъ сторонъ рядами ларей. Здѣсь было все дорого: нудъ мяса стоилъ 3—4 р., безмѣнъ масла 70 коп., нудъ ржаной муки 60 коп., пшеничной 90 коп. Въ предшествовавшемъ году здѣсь былъ падежъ скота. Вообще, Кузнецкъ незначительный городъ, заслуживающій это названіе потому только, что прежде носилъ его. Торговлю ведетъ онъ небольшую; окрестные татары бѣдны, а золотыхъ промысловъ въ долинѣ р. Томи не много. Почти единственная промышленность Кузнецка состоитъ въ табакѣ, воздѣлываніемъ и приготовленіемъ котораго занимаются какъ Кузнецкіе жители, такъ и жители окрестныхъ деревень.

Откуда происходитъ названіе Кузнецка, по мнѣнію Радлова, несовсѣмъ ясно. — Народъ рассказываетъ, что здѣшніе жители были хорошіе кузнецы и отъ того произошло и названіе города. Татары называютъ Кузнецкъ *Абатура-Отець-городъ*. Это названіе, вѣроятно, происходитъ отъ рѣчки Аба, впадающей въ Томъ не далеко отъ Кузнецка. Кузнецкій архивъ заключалъ бы въ себѣ богатый источникъ для исторіи южной Сибири, если бы не былъ истребленъ пожаромъ.

Окончивъ дѣла свои въ Кузнецкѣ, Радловъ возвратился на Егорьевскій золотой промыселъ; а какъ управитель его отправлялся на таковой же Касьминскій, то путешественникъ 13 Мая поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ, а свой тарантасъ послалъ по другой дорогѣ въ дер. Брюханову. У нихъ была запряжена небольшая телѣжка тройкою великолѣпныхъ лошадей, принадлежавшихъ управителю, и, не смотря на то, что дорога была не совсѣмъ ровна, чрезъ часъ ѣзды, они были уже съ д. Подневоной, сдѣлавъ 20 верстъ. Отъ Подневоной дорога пошла плохая и болотистая. Все еще волнообразная мѣстность густо поросла деревьями.

Последняя половина дороги была уже ровнее. Лѣсъ представлялъ здѣсь большое разнообразіе. Всѣ роды растущихъ здѣсь деревьевъ были перемѣшаны между собою: ели и сосны съ кедрами и лиственницами, березы съ осинами, тальникомъ и мелкимъ кустарникомъ. Замѣтно было, что находишься значительно ниже Егорьевскаго промысла, потому что снѣга ни гдѣ не встрѣчалось и деревья были гуще покрыты листвою. Подлѣ самаго Касьяминскаго промысла лѣсъ горѣлъ и нѣкоторое пространство надо было ѣхать среди густаго дыма. Подобные пожары производятъ въ Сибири невѣроятныя опустошенія лѣсовъ, но при рѣдкомъ населеніи этому горю никоимъ образомъ пособить невозможно.

Касьяминскій небольшой золотой промыселъ. Въ тотъ годъ на немъ работъ не производилось, потому что они не приносили ни какого дохода. Всѣ рабочіе были посланы на поиски золота въ Салаирскихъ горахъ. Отсюда Радловъ отправился далѣе въ д. Брюханову.

До половины пути характеръ ландшафта былъ тотъ же самый: тотъ же густой смѣшанный лѣсъ, та же волнистая мѣстность. На второй половинѣ лѣсъ сталъ рѣдѣть и вдругъ открылась широкая, величественная равнина. Необозримые и богатые травою луга были пересѣчены множествомъ небольшихъ рѣчекъ и густо усажены деревьями.— „Ни гдѣ не видалъ я, замѣчаетъ Радловъ, такого плотнаго населенія; почти чрезъ каждыя 2—3 версты мы проѣзжали деревеньку и видѣли множество ихъ со всѣхъ сторонъ.“ Перемѣнивъ въ Брюхановой (20 верстъ) лошадей, онъ въ 10 часовъ вечера прибылъ въ с. Урское или Бѣдарево (25 верстъ).

Крестьяне, живущіе на равнинѣ къ сѣверу отъ Салаирскихъ горъ, занимаются больше скотоводствомъ, нежели земледѣліемъ. Причина этому та, что у предѣловъ черни скотъ находить для пищи отличную траву и солончаки. Уже нѣсколько лѣтъ окрестныя деревни ведутъ значительную торговлю скотомъ и снабжаютъ имъ, а равно и мясомъ города Барнаулъ, Томскъ и Кузнецкъ; по этому то онѣ самыя населенныя и богатыя на Алтаѣ. Впрочемъ, съ предшествовавшаго года народъ сталъ гораздо бѣднѣе, потому что осенью былъ страшный наездъ, истребившій почти всѣ стада: осталось только десятая часть скота. Во время проѣзда здѣсь Радлова не возможно было достать ни

мяса, ни молока: крестьяне питались хлѣбомъ и кашею. Несмотря на то, общее настроеніе народа было радостное, потому что они должны были скоро освободиться отъ тяжелыхъ заводскихъ работъ. Вездѣ только и слышались: „Благослови, Господи, Государя, нашего защитника и покровителя!“

Крестьяне хвалили живущихъ здѣсь татаръ (Телеутовъ), какъ людей честныхъ, съ которыми Русскіе охотно ведутъ дѣла. Много между ними способныхъ работниковъ, которые живутъ въ достаткѣ съ своими семействами. Въ особенности Радлова удивило то, что здѣсь не говорили о татарахъ съ такимъ пренебреженіемъ, какое русскіе крестьяне обыкновенно питаютъ къ туземцамъ.

## II.

За ночь Радловъ проѣхалъ с. Вѣдарево и д. Тимохино и рано утромъ прибылъ въ первый телеутскій улусъ—Урскій. Онъ остановился въ довольно просторномъ домѣ, принадлежащемъ богатому, извѣстному своею честностью, татарину—купцу Сартлаеву. Хотя хозяева были разбужены чуть не ночью, однакожь приняли путешественника съ большимъ радушіемъ и всячески старались угодить ему. Домъ былъ нѣсколько болѣе обыкновеннаго крестьянскаго. Въ нижнемъ этажѣ находились кладовая и кухня; въ верхнемъ, раздѣленномъ на двѣ половины, на право были двѣ комнаты, изъ которыхъ одна составляла жильѣ, а другая спальню стараго Сартлаева; на лѣво была просторная комната, гдѣ жилъ сынъ хозяина съ женой и дѣтьми. Внутренняя обстановка комнатъ малымъ чѣмъ отличалась отъ такой же крестьянской. Вокругъ комнаты стояли скамьи; въ каждой комнатѣ находилась постель съ войлоками—матрасами и на ней навалены тулупы, употребляемые вмѣсто одеялъ. Деревянный столъ, довольно нестро выкрашенный, стоялъ въ переднемъ углу комнаты.

Скоро въ комнату Радлова собралось все населеніе Телеутовъ. Они были одѣты на манеръ Русскихъ: въ длинныхъ сапогахъ, широкихъ синихъ или бѣлыхъ холщевыхъ штанахъ, въ бѣлыхъ или нестрыхъ рубашкахъ изъ крестьянскаго полотна, болѣе длинныхъ, чѣмъ у Русскихъ, такъ что онѣ спускались ниже колѣвъ; подъ мышками у нихъ были вшиты красныя или желтыя четырехугольныя ласто-

вицы. Тулумы и кафтаны крестьянскаго сукна совершенно русскаго покроя. Волосы Телеуты оставляють расти на 3—4 вершка и не дѣлають пробора, такъ что они покрываютъ лобъ до самыхъ глазъ. На головахъ носятъ мѣшкообразныя суконныя шапки съ мѣховою опушкою.

Черты лица большей части Телеутовъ представляютъ монгольскій типъ, но не столь чистый, какъ у Алтайскихъ калмыковъ (Теленгетъ); у нѣкоторыхъ продолговатыя лица, острый подбородокъ и менѣе выдающіяся скулы. Цвѣтъ кожи желтый, у нѣкоторыхъ почти коричневый, что можетъ происходить отъ нечистоты. Цвѣтъ волосъ вообще черный. Телеуты, большею частію, ростомъ не высоки и коренасты. Они прямо отвѣчали на предложенные имъ вопросы.

Женщины носятъ длинныя холщевыя платья съ поясомъ и косы безъ украшеній; замужнія женщины повязываютъ головы, преимущественно, платками.

Большая часть живущихъ по рч. Урѣ Татаръ называетъ себя не Теленгетами, а Ашъ-Киштимами; однакожь они утверждаютъ, что прикочевали съ Иртыша въ одно время съ Телеутами. Языкъ ихъ совершенно теленгетскій; точно тоже должно сказать о сказкахъ и пѣсняхъ.

Изъ здѣшнихъ татаръ нѣтъ ни одного крещенаго; всѣ они держатся шаманства. Даже въ самой деревнѣ живетъ шаманъ.

Въ Урскомъ улусѣ Радловъ записалъ слѣдующую историческую пѣсню о Пи Тазѣ.

Пи Тазъ, Карылыкъ и Тэминэ были три брата; они вздумали отправиться на войну; когда они вздумали отправиться на войну,—мать ихъ заплѣла:

Ночью я видѣла сонъ,  
Бросьте вы этотъ походъ;  
Жадный воронъ съ кровавымъ клювомъ,  
Пролетая, покрылъ домъ.

---

Во мракѣ я видѣла сонъ,  
Бросьте вы этотъ походъ;

Сильный волкъ съ воющей пастью  
Ползаль около двери.

Когда сыновья не послушались словъ матери, она, въ слезахъ, нацѣдила молока изъ своей груди и приготовила изъ него для нихъ сыръ. Пи Тасъ бросилъ камнемъ въ грудь матери. Мать, проклиная ихъ, заплѣла:

Пѣгій верховой конь Пи Таса,—  
Пусть онъ упадетъ, когда повернется;  
Юноши того народа,—  
Пусть они придутъ въ ярость противъ Пи Таса.  
Кровавая стрѣла, пестрая стрѣла,—  
Пусть она пронзитъ Пи Таса.

---

Вороной верховой конь Карлыка,—  
Пусть онъ упадетъ, когда повернется:  
Телегетскіе юноши,—  
Пусть они придутъ въ ярость противъ Карлыка.  
Пестрая стрѣла съ перьями коршуна,—  
Пусть она пронзитъ Карлыка:

---

Тэльзариъ, верховой конь Тэминэ,—  
Пусть онъ упадетъ, когда выбѣжитъ;  
Телегетскіе юноши,—  
Пусть они придутъ въ ярость противъ Тэминэ.  
Пестрая стрѣла съ перьями коршуна,—  
Пусть она пронзитъ Тэминэ.

Они отправились на войну; войско (непріятеля) прогнало ихъ, они побѣжали назадъ. На дорогѣ Пи Тасъ заплѣлъ:

Каменистый бродъ, каменистый бродъ,  
Покажись, чтобъ твоя галька шуршѣла одна объ дру-  
гую.  
Если твоя галька nebudeтъ шуршѣть одна объ дру-  
гую,  
Галька и кости будутъ вмѣстѣ.

---

Песчаный бродъ, песчаный бродъ,  
Покажись, чтобъ твой песокъ шуршѣлъ.  
Если твой песокъ не будетъ шуршѣть,  
Песокъ и кости будутъ вмѣстѣ  
Тутъ всѣ три погибли. Мать ожидала дома. Когда  
сыновья не возвращались, мать, со слезами, зашѣла:  
Пѣгій жеребецъ оплодотворяетъ табунъ;  
Что это Пи Тасъ не возвращается?  
Орель свиваетъ себѣ гнѣздо;  
Что это Пи Тасъ не возвращается?

---

Вороной жеребецъ оплодотворяетъ табунъ;  
Что это Карлыкъ не возвращается?  
Черная птица вьетъ себѣ гнѣздо;  
Что это Карлыкъ не возвращается?

---

Тэльзарнъ оплодотворяетъ табунъ;  
Что это Тэминъ не возвращается?  
Коршунъ свиваетъ себѣ гнѣздо;  
Что это Тэминъ не возвращается?

---

Человѣку, который видѣлъ Пи Таса,  
Я отдала бы табунъ пѣгаго жеребца;  
Если бы онъ не взялъ табунъ пѣгаго жеребца,  
Я отдала бы ему рогатую корову;  
Если бы онъ не взялъ рогатой коровы,  
Я отдала бы ему жирную овцу;  
Если бы онъ не взялъ живой овцы,  
Я бы сама отдалась ему въ рабыни.

---

Человѣку, который видѣлъ Карлыка,  
Я отдала бы табунъ вороного жеребца;  
Если бы онъ не взялъ табунъ вороного жеребца,  
Я отдала бы ему рогатую корову и т. д.

---

Человѣку, который видѣлъ Тэминъ,  
Я отдала бы табунъ Тэльзарна;

Если бы онъ не взялъ табунъ Тэльзарна,  
Я отдала бы ему рогатую корову и т. д.

Послѣ обѣда, Радловъ прошелся по деревнѣ. Она тянется почти на три версты вдоль праваго берега Ури. На восточномъ концѣ живутъ десять русскихъ семей, которыя официально приписаны къ татарамъ и платятъ ту же самую подать, какъ и они. Здѣшніе татары платятъ эту подать деньгами, а не звѣринными шкурами. Живущіе здѣсь Русскіе происходятъ первоначально отъ татаръ; однакожь, удивительное дѣло-ни слова не понимаютъ по татарски, хотя съ самаго рожденія живутъ вмѣстѣ съ татарами. Физиономія ихъ не сохранила ни какого слѣда монгольскаго типа. На западномъ концѣ деревни находится около 25 домовъ, въ которыхъ живутъ татары. Изъ нихъ только 5—6 построены на манеръ русскихъ крестьянскихъ домовъ изъ бревенъ, остальные же изъ досокъ и плетня и забросаны землею. Лѣтомъ эти дома прохладны, а зимою легко нагрѣваются; притомъ же постройка ихъ легка. Хотя по наружности они и кажутся дрянными и низкими, потому что на половину находятся въ землѣ, однакожь внутренность ихъ производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Они содержатся чисто; полъ гладко убитъ глиною. О внутреннемъ устройствѣ ихъ сказать много нечего, потому что оно не отличается отъ устройства русскихъ крестьянскихъ домовъ. Единственное неудоство подобныхъ домовъ заключается въ томъ, что, послѣ продолжительнаго дождя,—они каждый разъ требуютъ значительной поправки.

Въ деревнѣ путешественникъ нашолъ кама (шамана). Послѣдній привелъ его въ свой домъ, который былъ такъ тѣсенъ и неудобенъ, что въ немъ можно было остаться только самое короткое время. Небольшая комната была вся завалена вещами; полдюжины грязныхъ, полунагихъ дѣтей валялось вездѣ на полу; на постелѣ лежали грязныя женщины атмосфера была такъ тяжела, что дышать было почти невозможно. Шаманъ показалъ Радлову свой волшебный бубець, который значительно отличается отъ упрѣбляемыхъ у Алтайскихъ калмыковъ.

Вскорѣ послѣ того, шаманъ заплатилъ визитъ путешественнику. Вѣдъа развязала ему языкъ и онъ продиктовалъ слѣдующую пѣсню, употребляемую во время приношенія жертвы.

Ты, находящееся на верху, небо Абыльс-Камъ,  
 Вызвавшее зелень на землю,  
 Возрастившее мясо на бедрахъ,  
 Вызвавшее волосы на головѣ,  
 Ты, творецъ сотвореннаго,  
 Ты, небо уготованнаго,  
 Небо, произведшее звѣзды!  
 Вы, шестьдесятъ властителей, возвышающіе отца,  
 Ты, Пи Ульгэнь, возвышающій мать,  
 Ты творецъ сотвореннаго,  
 Ты, небо уготованнаго,  
 Ты, небо, произведшее звѣзды.  
 Дай, Боже, скота.  
 Дай, Боже, хлѣба.  
 Дай, Боже, главу дому!  
 Ты, творецъ сотвореннаго,  
 Ты, небо уготованнаго!  
 Предъ мудрымъ отцомъ молюсь я;  
 Пошли, мой отецъ, свое благословеніе!  
 Помоги, мой отецъ,  
 Въ домъ моему главѣ!  
 Въ стадѣ моему скоту!  
 Предъ тобой преклоняюсь я.  
 Пошли, Боже, свое благословеніе!  
 Ты, творецъ сотвореннаго!  
 Ты, небо уготованнаго!

Этотъ шаманъ показался Рацлову толковымъ человѣкомъ, и представилъ ему свою вѣру совершенно съ другой стороны. Онъ объяснилъ, что не считаетъ себя имѣющимъ самой ничтожной власти надъ духами, болѣзнями и т. п., его шаманство состоитъ въ молитвѣ, прошеніи предъ Владыкою міра, Богомъ, сотворившимъ все, а жертва—только знакъ покорности и преданности къ Бгу. Духи, которыхъ онъ призываетъ, суть только молитвенники предъ Богомъ. О мифическихъ сказаніяхъ шаманизма онъ не хотѣлъ ничего сообщить. Все, что только можно было узнать отъ него въ этомъ отношеніи, состояло въ слѣдующемъ. Высочайшее божество, все сотворившее и обо всемъ пекущееся, есть Ульгэнь или Адамъ. Злое начало—Арликъ. Какъ у того, такъ и у другаго есть свои герои, стоящіе по бокамъ ихъ. Знаменитѣйшіе герои Ульгэна суть помянутые выше 60 властителей. Самые могущественные между ними—Мандишире, Май-Тене, Саліймакъ и Пабанъ.

Ульгэнъ въ татарско-тюрскомъ языкѣ значить—великій, знатный. Подъ именемъ *Арлика* Монголы—буддисты разумѣютъ царя подземнаго міра *Мандишире*, безъ сомнѣнія, испорченное имя Будды-Мандшуери. Оказывается, что шаманы допустили въ свой Пантеонъ и буддѣйскихъ геніевъ.

Шаманъ обошелъ съ Радловымъ деревню и показалъ ему мѣсто жертвоприношенія. Кожа жертвеннаго животного не виситъ здѣсь, какъ у Алтайскихъ Калмыковъ, на длинномъ шестѣ, а установлена между двумя шестами, въ сидячемъ положеніи животного, на подмосткахъ. Какъ и Алтайскіе Калмыки, Телеуты посвящаютъ Богу только кожу, а мясо ѣдятъ сами. Кумировъ, по словамъ шамана, у нихъ нѣтъ, но въ каждомъ домѣ есть почетное мѣсто посвященное Богу. Затѣмъ онъ показалъ на нѣсколько небольшихъ березокъ у cadaго дома, съ повѣшенными на нихъ заячьими шкурками. Эти шкурки не снимаются до тѣхъ поръ, пока не сгниютъ. Тогда, вмѣсто нихъ, вѣшаютъ новыя, на новыхъ березкахъ. Два раза въ годъ, весной и осенью, здѣсь приносится жертва отцу неба и земли (Ульгэню), а шкурки окропляются молокомъ.

14 Мая Радловъ оставилъ улусъ Урскій и отправился въ улусъ Солкой (10 верстъ), дорога была хорошая; только переѣздъ черезъ р. Уръ по дрябному, развалившемуся мосту представлялъ опасность.

Солкой—большой и богатый татарскій улусъ; онъ состоитъ больше чѣмъ изъ 60 бревенчатыхъ домовъ и 5—6 домовъ изъ плетня. Здѣсь путешественникъ, во избѣжаніе разныхъ насѣкомыхъ, ладѣвшихъ ему на прежнихъ квартирахъ, и пользуясь хорошею погодою, разбилъ палатку, хотя нѣкоторые дома казались снаружи довольно чистыми. Въ улусѣ Солкой живутъ на половину Ашъ-Киштимы, на половину Теленгеты; крещеныхъ татаръ очень мало. Какъ и урскіе татары, они занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Здѣсь живетъ башлыкъ (зайсанъ) и два шамана; оба послѣдніе были такъ пьяны, что Радловъ не могъ добиться отъ нихъ никакого толку. Онъ пробылъ въ этомъ улусѣ до 16 Мая и успѣлъ записать нѣсколько нѣсенъ, сказокъ и преданій. Вотъ одно изъ нихъ, относящееся къ ойротскому князю Шюну, который убѣжалъ въ Россію.

Быль ойротскій князь Конгодой.— У этого князя было двѣ жены. Отъ первой у него родился сынъ, по имени Шюну. Когда эта жена умерла, Конгодой взялъ другую. Отъ второй жены у него родились дочь и три сына; сыновья назывались: Амиръ-Сана, Темиръ-Сана и Калданъ-Чэрю. Однажды Шюну отправился одинъ на охоту. Онъ застрѣлилъ красную лисицу и принесъ ее къ отцу. Потомъ Амиръ-Сана, Темиръ-Сана и Калданъ-Чэрю отправились всѣ трое, также на охоту; они ничего не застрѣлили и возвратились съ пустыми руками. Шюну выѣхалъ снова, что-бы застрѣлить тигра. Застрѣливъ тигра, онъ привязалъ его къ дереву и возвратился назадъ. Послѣ того три брата отправились также, что-бы застрѣлить тигра; они увидѣли, привязаннаго къ дереву, тигра и выстрѣлили въ него; хотя они и выстрѣлили, однакожъ онъ не упалъ. Когда они подошли по ближе, то увидѣли, что тигръ привязанъ. Амиръ-Сана сказалъ: не возьмемъ этого привязаннаго тигра; Шюну будетъ очень сердиться. Вернувшись домой, они сказали отцу: „Ну, батюшка, смотри хорошенько; не соглашайся ни за что, чгобы твой старшій сынъ ходилъ на охоту; онъ дурной человекъ; онъ убьетъ тебя“. Отецъ согласился съ тремя сыновьями и они задумали убить Шюну. Они навоили его пьянымъ, вырѣзали у пьянаго обѣ плечевыя лопатки, вырыли въ землѣ яму въ 60 сажень глубиною и опустили туда Шюну.

Спустя нѣсколько времени, пришли три человекъ, они пришли съ желѣзными луками. Эти три человекъ сказали Конгодою: „Кто натянетъ намъ эти луки, тому мы будемъ платить дань; если же Конгодой не выстрѣлитъ изъ нихъ, то онъ долженъ платить дань.“ Три сына не могли натянуть желѣзныхъ луковъ, не могли выстрѣлить изъ нихъ, испугались и сказали: „Надо посмотрѣть Шюну.“ Они поѣхали къ Шюну и вынули его изъ ямы; Шюну еще былъ живъ. Теперь они обрадовались, убили молодую кобылу, пили водку и ѣли мясо. Шюну сказалъ: „Я принесу свой собственный лукъ.“ Принесъ. Онъ выстрѣлилъ изъ своего лука и разбилъ желѣзный порогъ своего отца. Тогда онъ сказалъ: „Несите-же мнѣ тѣ луки.“ Принесли. Шюну натянулъ всѣ три, выстрѣлилъ и сказалъ: „Возьмите эти смѣшныя вещи и убирайтесь.“—Три человекъ, обязанные теперь платежемъ дави, ушли домой.

Амиръ-Сана, Темиръ-Сана и Калданъ-Чэрю соединились и поѣхали собирать дань. Они ѣхали очень скоро. Когда

они были уже на половинѣ дороги, послѣдовалъ за ними Шюну. Опъ пашель ихъ на дорогѣ. Тутъ Шюну напустилъ холодъ и заморозилъ ихъ. Они остались на дорогѣ. Шюну отправился дальше и собрать дань. Когда онъ возвращался, на дорогѣ попались ему три человекъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ: „Я принесъ тебѣ водки отъ твоего отца; пей!“ Другой человекъ сказалъ: «Не пей, Шюну, водки; вылей эту водку собакамъ.» Только что Шюну вылилъ водку собакамъ, какъ она, попробовавъ ее, издохла.

Послѣ этого Шюну не возвратился домой, а отправился въ юрту своего дяди Айякки и женился на его дочери. Когда Айякки сдѣлался старъ, то сказалъ Шюну: „Обладай ты моимъ народомъ; самъ я сталъ уже старъ и не могу царствовать.“ Когда Шюну овладѣлъ такимъ образомъ народомъ, подданные его сказали: этотъ Шюну человекъ недостойный, онъ не можетъ быть нашимъ главою. Услыхавъ эти слова, Шюну убѣжалъ къ Русскому Царю и сталъ жить въ его землѣ. Однажды онъ подстрѣлилъ свою стрѣлою 67 головъ коней Бѣлаго царя. Русскіе сказали: Зачѣмъ ты держишь такого человекъ? онъ простиливаетъ шею лошадей. Царь заплачилъ за лошадей и сказалъ: „Этого человекъ вы у меня не трогайте! Пусть его имя будетъ Краснощекъ.“

Татары съ завистью смотрятъ на водвореніе русскихъ крестьянъ въ ихъ сосѣдствѣ. Лѣтъ 50 тому назадъ, говорили они, здѣсь было только нѣсколько селеній, и вся земля принадлежала намъ. Теперь деревни повсюду. Татаръ годъ отъ году становится менѣе и земля у насъ почти вся отмежевана.—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ наследственное званіе зайсана здѣсь прекратилось и теперь онъ избирается только на три года, нося официальное названіе *старшины*. Къ тому же времени относится распоряженіе, позволяющее имъ вносить подати не шкурами, а деньгами. Это распоряженіе весьма благотельно для Телеутовъ, потому что звѣря въ окрестности не много и для того, чтобы платить подать шкурами, они принуждены были сами покупать ихъ. Однакожъ они не довольны этимъ распоряженіемъ, привыкнувъ къ прежнему порядку. Особенную заботу Телеутовъ составляетъ крещеніе. Они спрашивали Радлова, правда-ли, будтобы Царь приказалъ, чтобы всѣ крестились, и будтобы будутъ присланы казаки чтобы принуждать креститься? Конечно, путешественникъ старался,

сколько возможно, разсѣять эти вздорные слухи.

Здѣшніе Телеуты ясно показываютъ, что цивилизація можетъ развиваться только сама собою, а не насильственно. Усилія правительства цивилизовать сибирскихъ инородцевъ во многихъ отношеніяхъ остались безплодными. Здѣсь же, напротивъ, народъ образуется самъ собою. Какъ только стало у него меньше земли, онъ отказался отъ кочевой жизни, построилъ дома, сталъ заниматься земледѣліемъ, и живетъ теперь подобно русскимъ крестьянамъ, хотя и придерживается еще обычая, полученныхъ въ наслѣдство отъ предковъ.

16 Мая Радловъ пріѣхалъ въ улусъ—Шанди, находящійся отъ предыдущаго въ 12 верстахъ, и остановился въ домѣ бывшего старшины (башлыка) Василья. Здѣсь онъ нашелъ чистенькую комнату и помѣстился очень удобно. Хозяинъ показалъ ему праздничную одежду своей жены; она была совершенно особаго покрою и сшита, какъ увѣрялъ бывший старшина, точно такъ, какъ шили встарину. Золотое шитье ея должно переходить по наслѣдству. Многія изъ богатыхъ женщинъ надѣваютъ такую одежду и теперь еще по праздникамъ, вмѣстѣ съ собою ей шапкой. Костюмъ состоитъ изъ шелковаго, достигающаго почти до ладъжекъ, нижняго платья съ короткими рукавами и вышитымъ золотомъ нагрудникомъ и воротникомъ. Нагрудникъ усаженъ пуговицами, между которыми находилось шесть очень старыхъ. Сверхъ этого нижняго платья носятъ кафтанъ изъ той же матеріи, достигающій до колѣнъ. Рукава верхняго платья доходятъ до кисти руки, узки и лежатъ плотно; вообще складокъ нигдѣ нѣтъ. Воротникъ этого верхняго платья почти въ три вершка шириною; онъ изъ чернаго плеса, обшитъ шелкомъ и золотымъ галуномъ; на каждомъ концѣ его висятъ двѣ шелковыхъ кисти съ золотыми шнурками. Золотые шнурки были очень стары.

Мѣста, посвященныя богамъ при домахъ, были здѣсь нѣсколько иныя, чѣмъ въ прежнихъ деревняхъ. Они состояли изъ ряда 10—15 березокъ, къ которымъ было привязано множество бѣлыхъ ленточекъ.

17 Мая Радловъ оставилъ улусъ Шанди и направился къ Улу Аиль (большая деревня). Улу—Аиль, во всякомъ

случаѣ, сама большая деревня здѣшнихъ Телеутовъ, такъ какъ она состоитъ болѣе, нежели изъ 100 деревянныхъ домовъ и почти 20 земляныхъ юртъ. Здѣсь путешественникъ остановился въ домѣ знакомаго ему прежде башлыка Николая, который принялъ его очень дружелюбно.

Языкъ здѣшнихъ Телеутовъ тотъ же самый, какъ у Алтайскихъ Телеутовъ (въ Мюють, Улалѣ и друг.), только въ немъ находится много русскихъ словъ.

Кромѣ поименованныхъ здѣсь телеутскихъ деревень, въ окрестностяхъ находится еще нѣсколько небольшихъ улусовъ (Шалу, Охсокъ.), которые тянутся почти до Томскаго завода.—По рассказамъ старожиловъ, нѣкогда вся степь была плотно заселена племенами Телеутовъ, которые прикочевали сюда съ Иртыша подъ предводительствомъ Мамыта и Балыка.—Часть ихъ обрусѣла и живетъ теперь на правахъ ясачныхъ крестьянъ, другая переселилась въ Алтай (Мююта, Улала, Шамаль); наконецъ, остальные ушли въ Томскій и Минусинскій округа. Теперь здѣсь живетъ не больше 2000 Телеутовъ.

Прежде жившіе здѣсь Телеуты раздѣлялись на четыре зайсанства, переименованныя нынѣ въ волости. Встрѣчающіяся здѣсь родовыя названія суть слѣдующія:

*а) У Телеутовъ.*

1) Таро; 2) Очу; 3) Мэркитъ (Мыркитъ); 4) Акъ-Тумать; 5) Кана Гумать; 6) Чорось; 7) Сартъ; 8) Кыпчакъ; 9) Наиманъ; 10) Телесь; 11) Торгуль; 12) Мундусъ; 13) Кочкоръ; 14) Толошъ; 15) Нурутъ; 16) Чалманъ.

*б) У Ашъ—Киштимовъ*

1) Юлы; 2) Тюртъ Аи; 3) Чюнгюсъ Ангъ  
Достоинство зайсана прежде было наследственно. Роды ихъ были.

1-е)	Зайсанство	( Ашъ—Киштимъ )	Юлы.
2-е)	«	« ( Теленгетъ.)	Чорось.
3-е.)	«	« « «	Толошъ.
4-е.)	«	« « «	Чалманъ

Хотя здѣшніе Телеуты весьма мало подвергались вліянію Русскихъ, однакожь большая часть ихъ носитъ рус-

скія имена. Это происходитъ отъ того, что у нихъ въ обычаѣ давать новорожденному имя того человѣка, который первымъ вступитъ въ домъ, гдѣ находится родильница. Если ребенокъ-мальчикъ, то ему даютъ имя первого вступившаго въ домъ мужчины, если дѣвочка — первой вступившей женщины.

Другой замѣчательный обычай здѣшнихъ Телеутовъ заключается въ раннихъ бракахъ мужчинъ. Обыкновенно, отецъ беретъ въ домъ жену для своего, часто — только осьми-лѣтняго сына и притомъ жену не ребенка, а взрослую дѣвушку. Эта невѣстка работаетъ въ домѣ и заботится во всемъ о своемъ мужѣ. Если сыну, когда онъ выростетъ, жена не понравится, то онъ можетъ отослать ее домой, но, въ такомъ случаѣ, заплаченный за нее калымъ пропадаетъ. Впрочемъ, Телеуты увѣряли Радлова, что они не могутъ вспомнить ни объ одномъ подобномъ случаѣ. Самое празднество свадьбы состоитъ, большею частью, въ ѣдѣ и питьѣ; единственная церемонія заключается въ благословеніи невѣстки на мѣстѣ, посвященномъ богамъ, и въ обходѣ молодыхъ по деревнѣ, при чемъ они получаютъ подарки.

Какъ и у Алтайцевъ, лица, носящія одно родовое имя, не могутъ вступать въ бракъ.

Палласъ говоритъ, что Телеуты вѣшаютъ трупы своихъ покойниковъ на деревья. Радловъ не нашелъ ничего подобнаго. Всѣ Телеуты утверждаютъ, что они хоронятъ покойниковъ въ землѣ и что также поступали всегда ихъ предки.

Обыкновенный музыкальный инструментъ Телеутовъ, называемый *Чормэ*, такой же, какъ у Алтайцевъ: онъ грубо дѣлается изъ дерева, подставки для резонанса-изъ жеребачьей кожи, а струны изъ некрученыхъ лошадиныхъ волосъ.

Здѣсь удалось Радлову записать нѣсколько пѣсенъ и сказокъ. Вотъ сказаніе объ Акъ-Кобокѣ:

Акъ Кобокъ сказанное слово;  
Слово, которое кладутъ въ карманъ,  
Для слушающихъ полноѣсное слово,  
Для злаго, ничего не слушающаго — негодное слово.

Віемъ Акъ-Кобокомъ сказанное слово;  
Слово, на которое смотреть и прятуть,  
Для умнаго—извѣстное слово,  
Для злаго, неразумнаго —негодное слово

---

Акъ-Кобокъ шагаетъ черезъ озеро,  
Прологаетъ путь чрезъ голую гору;  
Еслибъ родился такой превосходный человекъ,  
какъ Кобокъ,  
Онъ устроилъ бы мостъ черезъ море.

Акъ-Кобокъ поетъ во чревѣ своей матери:

Подъ берегомъ ты проложила дорогу,  
Тайно ты прижила Кобока;  
Подъ водою ты проложила дорогу,  
Не замужемъ ты прижила Кобока

---

Разорвавъ втрое широкую шелковую ткань,  
Приготовляй мнѣ пеленки;  
Согнувъ втрое дерево въ корѣ,  
Приготовляй мнѣ люльку.

---

Разорвавъ втрое плотную шелковую ткань,  
Приготовляй мнѣ пеленки;  
Согнувъ втрое березовое дерево,  
Приготовляй мнѣ люльку.

Мать поетъ:

Разорвавъ втрое широкую шелковую ткань,  
Приготовляю я пеленки и жду;  
Согнувъ втрое дерево въ корѣ,  
Приготовляю я люлку и жду.

---

Разодравъ втрое плотную шелковую ткань,  
Приготовляю я пеленки и жду;  
Согнувъ втрое березовое дерево,  
Приготовляю я люльку и жду.

Акь-Кобокъ поетъ:

Изъ шелка надери пеленки,  
Сорокъ кормилицъ собери;  
Изъ крѣпкаго шелка надери пеленки,  
Девять кормилицъ собери.

Мать собрала кормилицъ; нарвала шелковыхъ пеленокъ. У нея родился сынъ, она назвала его Акь-Кобокъ. День ребенокъ лежитъ въ люлькѣ, на другой день онъ разламываетъ ее и встаетъ. — Я пойду ловить рыбу, говоритъ онъ. Идетъ ловить рыбу и встрѣчаетъ на дорогѣ Кодона Пи. Кодонъ Пи говоритъ: Куда ты идешь, дитя мое? Мальчикъ отвѣчаетъ: Куда же мнѣ итти, — я иду ловить рыбу — Кодонъ Пи говоритъ: Какъ же тебя зовутъ? — Какъ же мнѣ называться, — меня зовутъ Акь-Кобокъ. — Кодонъ Пи говоритъ: я хотѣлъ налить тебя, какъ сливки, (Кобюкъ - сливки) и выпить. Акь-Кобокъ говоритъ: Какъ тебя зовутъ? — Кодонъ Пи говоритъ: Меня зовутъ Кодонъ Пи. Акь-Кобокъ говоритъ: Коровью заднюю часть (Кодонъ - задняя часть) я могъ бы ѣсть, а тебя, человѣчью заднюю часть, не могу ѣсть.

Затѣмъ Акь-Кобокъ ушелъ и наловилъ рыбы, онъ взялъ ее и возвратился домой. Кодонъ Пи также возвратился домой. Дома у него лежалъ въ люлькѣ, раньше еще родившійся, сынъ — Мангытъ. Когда Кодонъ Пи возвратился, то сталъ журить своего сына: «Не стыдно ли тебѣ, что ты все еще лежишь, а Акь-Кобокъ разломалъ уже свою люльку и ходить».

Акь-Кобокъ дома поетъ:

Соберите двадцать пять мастеровъ,  
Приготовьте остріе моего копья;  
Срубите двадцать пять деревъ,  
Приготовьте древко моего копья.

Соберите двадцать пять мастеровъ,  
Приготовьте ножны моего меча;  
Срубите сорокъ пять роговъ,  
Приготовьте рукоять моего меча.

Когда копьё и мечъ были готовы, не было еще у Акъ-Кобока коня. Поэтому Акъ-Кобокъ пошелъ къ своему дядѣ и сталъ просить у него коня. Дяди далъ коня. Акъ-Кобокъ благословляетъ дядю:

Весною и осенью остригая скоть,  
Пусть будетъ у тебя много жеребятъ;  
Весною и осенью остригая скоть,  
Пусть будетъ у тебя много жеребятъ.

Акъ-Кобокъ съѣлъ на подареннаго коня и поѣхалъ. На равнинѣ онъ слѣзъ съ коня и потянулъ за хвостъ съ него кожу; тянулъ, тянулъ и сорвалъ кожу; конь побѣжалъ прочь безъ кожи. На равнинѣ птицы съѣли его мясо. Акъ-Кобокъ опять пошелъ къ своему дядѣ, сталъ опять просить у него коня. Дядя не далъ ему коня; поэтому Акъ-Кобокъ проклялъ его:

Схвативъ лошадиный хвостъ,  
Пусть воръ нападетъ на твой скоть!  
Ухвативъ лошадь за хвостъ,  
Пусть волкъ нападетъ на твой скоть!

По клятвѣ Акъ-Кобока, волкъ и воръ схватили скоть дяди и умертвили его. Когда Акъ-Кобокъ пришелъ въ третій разъ, дяди далъ ему опять коня. Когда этотъ конь вышелъ со двора, то легъ на земь и не шелъ дальше: поэтому Акъ-Кобокъ сталъ хвалить своего коня.

Кормясь волнующимися верхушками травы,  
Ожеребился ты, Кызыль — Юрь;  
Укрѣпляясь на тридцати пяти пастбищахъ,  
Ожеребился ты Кызыль — Юрь.

---

Кормясь волнующимися верхушками травы,  
Ожеребился ты Кызыль — Юрь;  
Укрѣпляясь на пятидесяти пяти пастбищахъ,

Ожеребился ты Кызыль — Юрь.

---

Кызыль — Юрь бодръ,  
Какъ срѣзанный камышь его ухо;  
Копыто его на травѣ;  
Какъ срѣзанный камышь его ухо.

---

Въ его ухѣ источникъ;  
Рыбы пьютъ и не осушаютъ его;  
Въ хвостѣ его шнурокъ перламутра:  
Хватить его на всѣхъ дѣвушекъ.

---

Тутъ конь побѣжалъ далѣе. Затѣмъ Акъ Кобокъ много ѣздилъ вокругъ. Во всѣхъ земляхъ былъ онъ. Послѣ многихъ лѣтъ, онъ возвратился домой. Когда онъ возвратился, то сталъ хвалить свою птицу (ловчаго сокола) и оружіе и запѣлъ.

Твердое желѣзо головы лося  
Пробилъ ты, соколь!  
Скованное вмѣстѣ, крѣпкое желѣзо  
Раздробилъ ты, соколь!

---

На груди бѣлой равнины  
Питался ты, соколь;  
Подъ бѣлыми облаками  
Пилъ ты, соколь!

---

На груди голубой равнины  
Питался ты, соколь;  
Надъ голубыми облаками  
Пилъ ты, соколь!

---

Изъ тридцати пяти стволонъ дерева  
Ты сдѣлано, древко моего копья!  
Тридцатью пятью мастерами вмѣстѣ  
Ты ковано, остріе моего копья!

---

Изъ сорока пяти стволовъ дерева  
Ты сдѣлана, рукоять моего меча!  
Сорока пятью мастерами вмѣстѣ  
Ты выкованъ, клинокъ моего меча!

Въ мрачной черни, которую не видитъ  
солнце,

Вырублено ты, мое кнутовище!  
Собранными серебряками изукрашено  
Ты, мое кнутовище!

Въ мрачной черни, которую не видитъ  
мѣсяцъ,

Вырублено ты, мое кнутовище!  
Собранными золоторями  
Изукрашено ты, мое кнутовище!

Изъ кожи обрѣзаннаго быка,  
Ты сдѣлана, сплетена, моя плеть!  
Изъ кожи четырехъ-лѣтняго быка  
Четырежды ты сплетена, моя плеть!

У Акъ-Кобока былъ братъ. Акъ-Кобокъ говорить своему брату: поѣдемъ на войну. Оба поѣхали на войну. На дорогѣ братъ оробѣлъ и зацѣлъ:

Когда снѣгъ идетъ большими хлопьями,  
Будетъ ли больше идти, мой Кобокъ?  
Недавно прибывшій посоль, —  
Умретъ ли онъ, мой Кобокъ?

Когда снѣгъ крутитъ вихремъ,  
Будетъ ли больше идти, мой Кобокъ?  
Нынче прибывші посоль,  
Умретъ ли онъ, мой Кобокъ?

Миѣ слышится какъ будто звонъ;

Что это значить, мой Кобокъ?  
Предо мной ребяты, какъ бы хлопья снѣга;  
Что это значить, мой Кобокъ?

---

Мнѣ слышится какъ будто стук!  
Что это значить, мой Кобокъ?  
Предо мной ребяты, какъ бы хлопья снѣга;  
Что это значить, мой Кобокъ?

Кобокъ отвѣчаетъ своему брату:  
Что тебѣ слышится какъ будто звонъ, —  
Не блистающій ли это мечъ!  
Что предъ тобой ребяты, какъ бы хлопья снѣга,  
Не грива ли это коня?

---

Что тебѣ слышится какъ будто стукъ,  
Не броня ли это?  
Что предъ тобой ребяты, какъ бы клочки снѣга,  
Не хвостъ ли это коня?

---

Опять идутъ они, опять братъ оробѣлъ и запѣлъ!  
Въ большой степи тяжело ѣхать;  
Кто проведетъ насъ по ней, мой Кобокъ?  
Если все больше будетъ чашъ,  
Кто ихъ будетъ выпивать, мой Кобокъ?

---

Большой путь тяжело проѣхать;  
Кто проведетъ насъ по немъ мой Кобокъ?  
Если все больше будетъ чашъ,  
Кто ихъ будетъ осушать, мой Кобокъ?

Акь-Кобокъ поетъ:

Что ни самый быстрый между бѣгунами —  
Быстрѣе ли сколько нибудь сайгака?  
Когда сайгакъ, утомясь, остановится,  
Кызыль-Юръ его перегонитъ!

---

Что ни самая быстрая между птицами —  
Быстрѣ ли птицы ворона?  
Когда воронъ, утомленный, остановится,  
Кызыль-Юрь его перегонитъ!

Туть братъ проситъ Акъ-Кобока:

Къ комлю двойной березы  
Привяжи свою вьючную лошадь, мой Кобокъ.  
Когда ты привяжешь свою лошадь,  
Отпусти меня, Акъ-Кобокъ

Къ комлю расщепленной березы  
Привяжи свою вьючную лошадь, мой Кобокъ.  
Когда ты привяжешь свою лошадь,  
Отпусти меня, Акъ-Кобокъ.

Кобокъ не отпускаетъ своего брата. Когда братъ хо-  
четъ убѣжать, Кобокъ схватываетъ поводъ его коня и  
поетъ коню:

На твоей дорогѣ туда  
Могутъ напасть шестьдесятъ человѣкъ!  
На твоей дорогѣ сюда  
Могутъ напасть пятьдесятъ человѣкъ!

Конь слышитъ голосъ Акъ-Кобока и бросается на вой-  
ну. Братъ хотѣлъ удержаться между двумя деревьями и  
схватилъ оба дерева руками, но съ корнями вырываетъ оба  
дерева, а конь мчится на войну.

На его дорогѣ туда  
Нападаютъ шестьдесятъ человѣкъ!  
На его дорогѣ сюда  
Нападаютъ пятьдесятъ человѣкъ!

Туть Кобокъ идетъ самъ на войну, убиваетъ осталь-  
ное войско и возвращается назадъ на своемъ бѣломъ конѣ.  
У коня его сорокъ ранъ, у самого Кобока тридцать ранъ.  
По пути они прѣзжаютъ въ деревню; деревенскія дѣвушки  
поютъ и прославляютъ Акъ-Кобока.

Шаги бѣлаго коня,  
Шаги его приближаются къ намъ.  
Радость Акъ-Кобока,

Радость его приближается къ намъ

---

Шаги голубаго коня,  
Шаги его приближаются къ намъ.  
Радость Акъ-Кобока,  
Радость его приближается къ намъ!

---

Акъ-Кобокъ! своего коня  
Привяжи къ золотому столбу!  
Приди, о, Акъ-Кобокъ!  
Перенсчуй у насъ, Акъ-Кобокъ!

---

Акъ-Кобокъ! своего коня  
Привяжи къ серебряному столбу!  
Акъ-Кобокъ! приходи,  
Переночуй у насъ, Акъ-Кобокъ!

Акъ-Кобокъ переночеваль тутъ; переночевавши, онъ сѣлъ по утру на коня и, возвращаясь, запѣлъ:

Гдѣ вбить колъ для коня,  
Тамъ и мѣсто кола  
Гдѣ удержаль поводъ челоуѣка,  
Тамъ и мѣсто повода.

Ѣхаль онъ, Ѣхаль и пріѢхаль домой. Въ его деревнѣ не было единственной младшей его сестры: она вышла замужъ за сына Кодонъ Пи, за Мангыта. Кобокъ разсердился. Онъ идетъ въ деревню Мангыта, идетъ, чтобы привести свою младшую сестру. Сестра его увидѣла Кобока и запѣла:

Бѣлаго коня бѣги,  
Бѣгъ его приближается къ намъ.  
Радость радостнаго Кобока,  
Радость его не приближается.

---

Голубаго коня бѣги,

Бѣтъ его приближается къ намъ,  
Радость прекраснаго Кобока,  
Радость его не приближается.

Приготовляй золотую тарелку съ кушаньемъ,  
Жди Кобока!  
Приготовляй серебряную тарелку съ кушаньемъ,  
Жди Кобока!

Тутъ Мангытъ вышелъ на встрѣчу Кобока и закололъ коня Акъ-Кобока. Кобокъ сказалъ: «Ты хорошо умѣешь колоть» и срубилъ голову Мангыту. Потомъ Кобокъ взялъ свою сестру и возвратился домой. Возвратившись домой, онъ превратился въ повара и отправился опять. Кодонъ Пи (отецъ Мангыта) искалъ Акъ-Кобока и встрѣтилъ его на дорогѣ; тутъ онъ его спросилъ: «не видалъ ли ты Кобока?» Кобокъ сказалъ: «да, я его видѣлъ, но какъ же ты хочешь его убить? Хитрость Кобока велика.»—Какова же его хитрость? спросилъ Кодонъ Пи. Кобокъ сказалъ: «я научу тебя хитрости Кобока.» Тогда Акъ-Кобокъ сказалъ: «Становись на вершинѣ горы, я выстрѣлю, а ты лови зубами стрѣлу.» Кобокъ выстрѣлилъ и разбилъ зубы Кодона. Кобокъ спросилъ: «Научился ли?» Кодонъ сказалъ: Да! научился.

Опять сталъ Кодонъ Пи искать Кобока, опять встрѣтились они. Кодонъ Пи спросилъ: «Не видалъ ли ты Кобока?» Кобокъ сказалъ: «да, я его видѣлъ, онъ пошелъ въ озеро, поэтому ступай и ты туда.» Кодонъ пошелъ въ озеро. Когда онъ пошелъ, Кобокъ напустилъ морозъ и заморозилъ Кодона, три дня замораживалъ его; Кодонъ Пи лежитъ въ озерѣ. Кобокъ сказалъ: Теперь выходи! Научился ли ты теперь хитрости Кобока? Я—Кобокъ, хитрость моя велика! Говоря такъ, онъ срубилъ голову Кодонъ Пи.

### III.

Заѣхавъ еще разъ въ Кузнецкъ, Радловъ 21 Мая оставилъ этотъ городъ съ тѣмъ, чтобы посѣтить татаръ, обитающихъ по р. Томи. Теперь дорога его лежала по этой рѣкѣ до д. Атамановой (12 верстъ); она не совсѣмъ удобна,

будучи мѣстами болотиста, мѣстами покрыта галькой. Отъ деревни Атамановой ѣхать далѣе на колесахъ было уже нельзя, а потому Радловъ уложилъ свои вещи на двѣ лодки и, такимъ образомъ, поплылъ противъ теченія рѣки.

Здѣшнія лодки отъ 10 до 12 футовъ длины и до 1½ фута ширины. Онѣ дѣлаются изъ одного дерева (тополя) и оканчиваются съ обѣихъ сторонъ длинными носами. Каждой лодкой управляютъ два человѣка, которые идутъ по ней, упираясь въ берегъ длинными шестами. Весла употребляются только на мелководьи, или когда нужно переплыть чрезъ рѣку.

На всемъ протяженіи пути, Томъ была довольно широка; на ней лежить много острововъ, покрытыхъ тальникомъ. По лѣвому берегу тянется низменность, поросшая густымъ кустарникомъ; по правому — непрерывная цѣль холмовъ, густо поросшихъ елью и березою.

Плаваніе по рѣкѣ не понравилось Радлову: оно было весьма медленно, а солнечный зной на водѣ невыносимъ. При этомъ надо было дивиться выносливости гребцовъ.

Не задолго до заката солнца путешественникъ прибылъ въ д. Безрукову (25 верстъ). Она обыкновенно называется Протокою, потому что лежить на значительномъ рукавѣ Томи. Деревня распадается на русскую и татарскую части; послѣдняя лежить около полу-версты далѣе противъ теченія.

Такъ какъ было уже довольно поздно, то Радловъ рѣшился переночевать въ татарской части деревни. Эта часть производит самое грустное впечатлѣніе; она состоитъ изъ 20 — 25 маленькихъ, полуразрушенныхъ деревянныхъ жилищъ, окруженныхъ полуразрушенною изгородью. Домишки стоятъ безъ всякаго порядка относительно другъ друга, а свободныя пространства между ними на цѣлый футъ покрыты навозомъ. Почти предъ каждымъ домомъ горѣлъ огонь, надъ которымъ висѣлъ котелокъ съ пищею. Вокругъ огня сидѣли, покрытые лохмотьями, мужчины, женщины и дѣти, нестро перемѣшавшись другъ съ другомъ. Радловъ пошелъ въ домъ старшины, чтобы распорядиться приготовленіемъ для себя на слѣдующій день лошадей. Домъ старшины былъ

почти самый худшій въ деревнѣ. Одежда самаго старшины была изорвана и лохмотьями висѣла на тѣлѣ. Въмѣсто шапки, онъ обвязалъ голову какою то изорваною и грязною тряпичей. Этотъ старшина, настоящій представитель своей деревни, созвалъ къ себѣ сходку, чтобы посовѣтоваться о заготовленіи лошадей. Не прошло и четверти часа, какъ все мужское населеніе деревни было уже въ сборѣ. Посреди собранія помѣстился старшина и гордо смотрѣлъ на своихъ подчиненныхъ. Самое собраніе должно было произвести на зрителя совершенно особенное впечатлѣніе. Оно состояло изъ 60—80 человекъ въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ или лохмотьяхъ. Мужчины—въ женскихъ кафтанахъ; полуголыя женщины—въ мужскихъ; мужчины съ платками на головахъ; женщины въ мужскихъ шапкахъ,—короче, здѣсь можно было видѣть всевозможныя варіаціи, какія только могутъ быть между кафтаномъ, штанами, шапкой, головнымъ платкомъ и женской одеждой. При рѣчи старшины собраніе пришло въ волненіе; послышался одушевленный крикъ со всѣхъ сторонъ. Чѣмъ больше старшина приказывалъ молчать, тѣмъ больше народъ шумѣлъ. Начались пренія, продолжавшіяся цѣлый часъ; никто не хотѣлъ на вершокъ уступить другому. Всякій посторонній человекъ могъ бы подумать, что здѣсь дѣло идетъ о благѣ цѣлой деревни, а между тѣмъ все дѣло заключалось въ томъ, чтобы приготовить, притомъ за обыкновенные прогоны и на нѣсколько часовъ, тройку лошадей и двѣ лодки. Споръ происходилъ на смѣшанномъ русско-татарскомъ языкѣ, какъ обыкновенно говорятъ здѣшніе татары. Послѣ споровъ, продолжавшихся цѣлый часъ, дѣло зашло такъ далеко, что мирное собраніе готово было обратиться въ поле брани. Тогда терпѣніе Радлова допнуло; голосомъ Стентора онъ возстановилъ тишину, приказалъ обществу придти къ соглашенію и назначить для него квартиру. Послѣднее не легко было сдѣлать, и готовы были начаться уже новыя пренія, какъ одинъ татаринъ, богатѣйшій въ деревнѣ, предложилъ путешественнику провести ночь въ его домѣ. Невозможно было не согласиться.

Этотъ самый лучший домъ въ деревнѣ состоялъ изъ двухъ очень маленькихъ комнатокъ. Одна была занята сыномъ хозяина дома и его семействомъ, а другая самимъ хозяиномъ. Но онъ уступилъ Радлову свою комнату. Большая русская печь, нѣсколько полокъ съ кухонною посудой, скамья, столъ и постель составляли всю обстановку этой комнаты; но, несмотря на то, она до того была наполнена

всѣмъ этимъ, что Радлову едва осталось мѣсто, чтобы устроить себѣ постель. Въ комнатѣ былъ нестерпимый жаръ, потому что печь была сильно натоплена. Кромѣ того, весь домъ разилъ невыносимымъ для европейскаго носа запахомъ колбы (*allium ursinum*), любимой пищи татаръ. Въ комнатѣ вонь была до того сильна, что пришлось выставить оконныя рамы, такъ какъ онѣ не открывались.

Едва только Радловъ нѣсколько устроился, какъ въ комнату явились, чтобы поближе взглянуть на него, самые лучшіе изъ татаръ деревни, вмѣстѣ съ старшиной. Въ нѣсколько секундъ комната стала полна народомъ. Объ атмосферѣ, которая теперь образовалась здѣсь, нельзя составить себѣ никакого понятія, ибо къ невыносимому запаху колбы присоединились еще многія другія благовонія, какъ напр., ошеломляющій запахъ неочищенной водки и т. п. Оказалось, что половина посѣтителей была выпивши. При такихъ обстоятельствахъ, путешественникъ принужденъ былъ половину гостей выслать изъ комнаты. Съ нѣкоторыми татарами — стариками онъ еще потолковалъ нѣкоторое время объ ихъ житеѣ — бытѣ.

Находящіеся здѣсь татары живутъ въ постоянной враждѣ съ своими русскими сосѣдями, потому что послѣдніе, по словамъ татаръ, постоянно ихъ обижаютъ. Земледѣліемъ и скотоводствомъ занимаются они мало, имѣя главный промыселъ въ рыболовствѣ. Почти всѣ они обрусѣли, заимствовавъ отъ русскихъ одежду, религію, образъ жизни и отчасти языкъ и на первыхъ порахъ производятъ непріятное впечатлѣніе на наблюдателя, такъ какъ отъ цивилизаціи они успѣли заимствовать одно только порочное; однакожь, познакомясь съ ними поближе, увидишь сейчасъ, что они еще не потеряли младенческой простоты дѣтей природы и что цивилизація еще не совсѣмъ уничтожила хорошія ихъ качества. Всѣ они крещены, однакожь имѣютъ самыя ограниченныя понятія о христіанскомъ ученіи.

22 Мая Радловъ оставилъ Протоку. Вещи его были отправлены на лодкѣ, самъ же онъ продолжалъ свое путешествіе верхомъ. До рѣчки Подобоса у большой русской деревни того же имени (6 верстъ отъ Протоки) дорога была хороша и ровна, по сторонамъ лежали великолѣпныя луговныя мѣста; напротивъ, отъ Подобоса она тянулась по болоту, гдѣ лошадь вязла иногда по брюхо и была такъ плоха, что

путешественникъ добрался до деревни Балбы только чрезъ полтора часа, хотя эта деревня находится отъ Подобоса только въ 2-хъ верстахъ.

Татарская деревня Балбы выстроена гораздо лучше и чище Протоки. Дома здѣсь больше и въ лучшемъ состояніи; изгороди стоятъ прямо и при нѣкоторыхъ домахъ охраняють огороды. Эта деревня меньше Протоки, въ ней насчитывается только 15 дворовъ. Жители Балбы также совершенно обрусѣли и всѣ крещены. А какъ языкъ здѣшнихъ татаръ усѣянъ русскими словами и не представлялъ для Радлова никакого интереса, то онъ оставался здѣсь не болѣе полу-часа и затѣмъ продолжалъ путь водою. Лодка, которую ему дали, была еще меньше и неудобнѣе, чѣмъ употребляемая русскими крестьянами. Въ ней приходилось усѣсться, помѣстясь между двумя внутренними распорками стѣнокъ лодки, такъ что нижняя оконечность тѣла должна была находиться безъ всякаго движенія.

Берега Томи продолжали носить прежній характеръ, только холмы праваго берега выше и чаще песчанниковыя скалы. Недалеко отъ устья Мрасы, путешественникъ переплылъ чрезъ Томь и прибылъ въ татарскую деревню Прасъ-Пюлтэриндэ, на правомъ берегу, близъ устья Мрасы, въ 7 верстахъ отъ Волбы.

Эта деревня значительно больше двухъ предшествующихъ; она состоитъ почти изъ 40 небольшихъ дворовъ, которые раскинуты вдоль высокаго берега, въ четверти версты отъ рѣки. Рѣчная долина здѣсь довольно широка и покрыта роскошнымъ дерномъ. Пребываніе въ татарскихъ домахъ опротивѣло Радлову еще съ деревни Протоки; поэтому онъ раскинулъ свою походную палатку подлѣ самой рѣки. Вскорѣ послѣ того, здѣсь собралась уже половина деревни.

По наружности здѣшніе татары не отличаются отъ описанныхъ ранѣе; всѣ они крещены и усвоили себѣ русскую одежду; но, какъ они живутъ нѣсколько дальше отъ русскихъ деревень, то и сохранили свой языкъ въ большей чистотѣ; большая половина здѣшнихъ татаръ, въ особенности женщины, говорятъ только потатарски.

Главное средство пріобрѣтенія жителей этой страны заключается въ рыболовствѣ, которое, должно быть, очень

хорошо вознаграждаетъ трудъ. Женщины и дѣти вяжутъ *дъль* (невода) и продаютъ её въ Кузнецкѣ. Эта статья торговли имѣеть нѣкоторое значеніе, потому что здѣсь приготавливаютъ и продаютъ тысячи сажень этой дѣли. Цѣна на нее не вѣроятно дешева: сажень дѣли въ 5 футовъ шириною стоитъ только 12 копѣекъ.

Осенью, какъ выпадаетъ первый снѣгъ, мужчины уходятъ звѣрять. Въ здѣшней странѣ довольно звѣря, особенно бѣлки, соболя плохого, впрочемъ, качества и кунницы; рѣже попадаются горностаи и лисица.

Скотоводствомъ занимаются здѣсь мало; Радловъ съ трудомъ могъ достать себѣ немного молока; во всей деревнѣ было около 30 коровъ. Причина, по которой скотоводство здѣсь незначительно, заключается въ томъ, что по близости деревни нѣтъ пастбищъ, а зимою выпадаетъ такъ много снѣга, что скотъ не находитъ для себя подножнаго корма.

Земледѣліе ограничивается только посѣвомъ ячменя и притомъ въ столь-маломъ размѣрѣ, что его почти никогда не достаетъ на пропитаніе жителей, почему, въ случаѣ надобности, они и вымѣниваютъ его у русскихъ на рыву.

Лѣтомъ любимую пищу татаръ составляютъ корни Кандыка и колба. Такъ какъ Радловъ не могъ выносить запаха колбы, то татары совѣтовали ему самому поѣсть её и увѣрили, что тогда онъ не будетъ находить запахъ ея противнымъ. Это средство оказалось очень практичнымъ.

Путешественникъ занимался здѣсь лексикальнымъ изслѣдованіемъ мѣстнаго татарскаго діалекта. Вообще о немъ можно сказать, что онъ занимаетъ средину между алтайскимъ и кайбальскимъ, можетъ быть, даже нѣсколько ближе къ послѣднему.

На другой день къ вечеру Радловъ оставилъ деревню Прасъ-Шюлтэриндэ, проплылъ еще нѣкоторое пространство противъ теченія Томи и перешелъ чрезъ неё какъ разъ напротивъ устья Мрасы. Сначала берега Мрасы низки и поросли густымъ кустарникомъ, но нѣсколько далѣе—правый берегъ начинаетъ возвышаться и потомъ поднимается все больше и больше. Проплывъ 6 верстъ, Радловъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, достигъ деревни Краскіякъ (Кызыль—

яръ, красный берегъ). На берегу собрались почти всѣ жители. Здѣсь былъ зажженъ гигантскій огонь, такъ что вся деревня и противоположный берегъ были залиты яркимъ свѣтомъ, который длинными полосами отражался въ водѣ. Видно, что дрова здѣсь дешевы, потому что для разведенія такого огня нуженъ былъ костеръ не менѣе 5 футовъ вышины. Когда путешественникъ прибылъ къ берегу, то всѣ бросились на помощь вытаскивать его вещи изъ лодки и переносить ихъ на квартиру. Одинъ несъ какой-нибудь узелокъ, другой шелъ рядомъ съ нимъ съ горящей головней, такъ что переходъ въ деревню походилъ на процессію съ факелами. Самому путешественнику свѣтилъ хозяинъ квартиры, молодой человекъ, въ суконномъ кафтанѣ; онъ на чистомъ русскомъ языкѣ увѣрялъ Радлова, что безконечно радъ тому, что можетъ принять его у себя.

Домъ, въ которомъ помѣстили путешественника, былъ просторенъ и устроенъ совершенно на манеръ русскихъ крестьянскихъ домовъ. Съ перваго взгляда на его обстановку можно было видѣть, что здѣсь господствуетъ довольство. Комната была расписана масляною краскою и меблирована въ излишествѣ стульями и нѣсколькими шкапами. Между заднею стѣною и печью находилось множество сундуковъ, обитыхъ жестью; полъ былъ покрытъ тюменскими коврами. Для угощенія Радлова, хозяинъ принесъ всего, что у него было—чаю, свѣжаго меду, хлѣба, масла, яицъ, молока, кедровыхъ орѣховъ и рыбы, такъ что онъ пользовался здѣсь такою роскошью, о какой не могъ и мечтать.

На другой день утромъ Радловъ осмотрѣлъ деревню. Она состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ одна лежитъ при самой Мрасѣ, а другая около 2 верстѣ далѣе къ сѣверу, при одной маленькой рѣчкѣ. Дома большею частію, очень велики и со всѣми необходимыми службами, какъ-то: конюшнями, амбарами и т. п. Большая часть жителей этой деревни занимается торговлею; они доставляютъ товары, рогатый скотъ и лошадей къ татарамъ, живущимъ въ верхнемъ теченіи Мрасы, и довольство всѣхъ жителей показываетъ выгоды, какія они извлекаютъ изъ этой торговли. Нѣкоторые составили порядочное состояніе и всѣ товары, нужные для торговли, приобрѣтаютъ прямо съ Ирбитской ярмарки. Жители, незанимающіеся торговлею, занимаются земледѣліемъ и рыболовствомъ. Скотоводство здѣсь должно

быть въ порядочномъ состояніи, потому что мѣстность богата травою и для хлѣбопашества необходимо держать много скота

Жаль только, что при первыхъ же шагахъ впередъ между здѣшнимъ населеніемъ сильно развилось пьянство. На радостяхъ по случаю прибытія Радлова, даже самые почтенные представители деревни были пьяны съ утра до вечера такъ, что не могли стоять на ногахъ.

26 Мая путешественникъ оставилъ эту деревню и продолжая путь вверхъ по Мрасѣ, въ теченіе послѣобѣденнаго времени, достигъ до деревни Сыбырги.

Здѣсь замѣтна была уже большая разница, въ сравненіи съ деревней Краскіакомъ Сыбырги хотя и не маленькая деревня, такъ какъ она состоитъ болѣе, чѣмъ изъ 40 бревенчатыхъ домовъ, однакожь эти дома находятся въ столь плачевномъ положеніи, что имѣютъ видъ развалинъ. Крыши домовъ состоятъ изъ березовой коры, а внутренняя обстановка ихъ еще хуже и грязнѣе, чѣмъ въ Протокаѣ. Одежда здѣшнихъ татаръ состоитъ изъ рубахъ и штановъ изъ грубаго холста домашняго приготовленія и войлочныхъ кафтановъ, вмѣсто шубъ. Женщины носятъ, большею частію, только длинныя, доходящія до ладыжекъ, рубахи. Въ физиономіи этихъ людей не проявляется никакого господствующаго типа, какъ у Алтайцевъ и Телеутовъ, а является какая-то смѣсь. У одного монгольское лицо, у другаго бѣлокурые волосы и совершенно русское лицо, но у большей части, особенно у женщинъ, широкія круглыя лица, съ выдающимися челюстями, большія губы, узкіе лбы и длинныя, узкіе, нѣсколько косоватыя глаза.

Главное занятіе этихъ людей состоитъ въ рыболовствѣ; земледѣліе и скотоводство развиты здѣсь очень мало, такъ какъ страна гориста и зимою лежатъ глубокіе снѣга. Очень справедливо говорить алтайская пословица: «кто рыбу ловить, тотъ не будетъ богатъ; что лежитъ на землѣ, не будетъ сухо». Здѣшніе Татары, при своемъ рыболовствѣ, чуть не умираютъ съ голода и приобрѣтаютъ такъ мало, что имъ нечѣмъ прикрыть свою наготу. Лѣтомъ все еще ничего; но съ появленіемъ длинной зимы появляются и страданія. Кто не вымѣнялъ лѣтомъ на свою рыбу достаточно муки,

тому зачастую приходится ложиться спать голоднымъ, и случаи голодной смерти принадлежать отнюдь не къ рѣдкимъ. Однакожь, не смотря на то, простая пища, состоящая изъ поджареной ячменной муки и рыбы, кажется, весьма здорова, потому что люди достигаютъ до глубокой старости; между прочими, здѣсь находился старикъ, которому было 102 года, и онъ былъ еще очень бодръ.

Радловъ разбилъ свою палатку на зеленомъ берегу Мрасы и, какъ обыкновенно, сюда скоро собралось все мужское населеніе. Историческихъ преданій онъ здѣсь не нашелъ: даже самъ помянутый выше старикъ могъ сообщить ему только то, что онъ постоянно жилъ въ этомъ мѣстѣ. Ничего у нихъ не измѣнилось, кромѣ вѣры и домовъ, которые нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ стали строятъ изъ бревенъ, вмѣсто прежнихъ берестяныхъ юртъ. Всегда они занимались рыболовствомъ и въ этомъ отношеніи у нихъ все осталось по прежнему. Языкъ ихъ также остался тотъ же самый.

Что касается до вѣры этихъ татаръ, то они христіане только по имени и относительно христіанской религіи знаютъ одно то, что крещеному слѣдуетъ класть на себя крестъ и что священникъ, пріѣзжая, каждый разъ даетъ имъ красное вино (кызыль арака). Они дружелюбно приняли путешественника и на другой день ему удалось записать здѣсь двѣ довольно значительныя сказки, изъ которыхъ одну мы представляемъ здѣсь въ переводѣ О. миссіонера Вербицкаго.

### МАЛЬЧИКЪ.

Жилъ—былъ мальчикъ. У него не было ни отца, ни матери; онъ былъ сирота. У него не было одежды; онъ былъ нагъ. У него не было пищи; онъ былъ голоденъ. У этого мальчика была тетка вдова, которая его вскормила. Немного подросши, мальчикъ отправился на промыселъ, и на его счастье попались ему 9 оленей; онъ выстрѣлилъ въ нихъ и убилъ всѣхъ. Добычу свою онъ взвалилъ себѣ на спину и принесъ домой: шкуры сняли и пошили себѣ одежды изъ нихъ, а мясо съѣли и стали сыты. Мальчикъ сожалѣлъ, что у него нѣтъ коня. Но вотъ онъ однажды, послѣ утренняго пробужденія, вышелъ на улицу и видитъ тамъ, что стоитъ конь, впрочемъ безъ узды и безъ сѣдла.

„Здравствуй, молодецъ, говоритъ конь.— Можешь ли ты сѣсть на меня?“ Юноша отвѣтилъ: „Почему же и не сѣсть? Конь подошелъ къ нему. Юноша сѣлъ. Тетка, увидѣвши это, заплакала, зарыдала и говорила: „Не садись, конь убьетъ тебя, пѣтъ утебя ни сѣдла, ни узды, какъ же ты удержишь его?“ Но юноша проснулся съ теткой и отправился въ дальній путь. Ъхаль ъхаль и прѣхаль къ морскому берегу. На берегу стоитъ красивая береза. Конь говоритъ: „Вотъ стоитъ хорошее дерево, ночуемъ подъ нимъ.“ Конь остановился, юноша сошелъ съ него и тотчасъ заснулъ подъ тѣнью березы. Когда онъ пробудился— разсвѣло, солнце взошло. Конь стоялъ уже въ уздѣ и сѣлѣ. Юноша всталъ, поздоровался съ конемъ, обрадовался и говоритъ: „Вѣрно Богъ намъ помогаетъ: не было пищи, и явилась вкусная пища; не было одежды, и явилась отличная одежда, не было коня, и добрый конь явился; не было ни узды, ни сѣдла, а вотъ теперь нашлись превосходныя узда и сѣдло“. Юноша заплакалъ и продолжалъ: „Нѣтъ у меня ни отца, ни матери, кто дастъ мнѣ имя. Некому.“ Конь говоритъ: „Богъ дастъ тебѣ имя.“

— „А гдѣ этотъ Богъ? Если бы онъ здѣсь былъ, то далъ бы мнѣ имя“.

— „Садись живѣе на меня: намъ торопиться надобно“.

Юноша сѣлъ на коня, отѣхаль 5 сажень и услышалъ, что изъ за березы кто-то закричалъ: „Стой, юноша, не ѣзди!“ Юноша остановился, посмотрѣлъ на дерево и видитъ, что на березѣ сидитъ бѣловласый старецъ и говоритъ: „Стой, сынъ мой, я нареку тебѣ имя; пусть оно будетъ: *Айманысъ*“, — и съ тѣхъ поръ юноша сталъ называться Айманысомъ. Юноша спросилъ: „Что ты за человекъ, нареکشій мнѣ имя?“

— „Что я за человекъ? Я творецъ, Богъ! Я нарекъ имя сиротѣ, у котораго нѣтъ отца. Твоего отца убилъ богатырь Чеекъ, взявшій себѣ народъ его и угнавшій скоть его. Ты, кажется, намѣреваешься выручить свое наслѣдство, но если ты погонишься за нимъ, то умрешь, такъ какъ у тебя силы мало“.

„Я рѣшился возвратить свой народъ и свой скоть; смерти не боюсь, потому что плакать о мнѣ некому: я— человекъ одинокій“.

Съ этими словами Айманьсь отиравился. Много ли, мало ли онъ ѣхаль и наконецъ пріѣхаль къ высокой горѣ. У этой горы конь залякаль. Айманьсь спросиль: „Конь мой! о чемъ ты плачешь?“ Конь отвѣчаетъ: „Я плачу о томъ, что кости твоего отца сдѣлались горою, по этому я и плачу“. Айманьсь поздоровался съ горой и отиравился далѣе. Много ли, мало ли онъ ѣхаль, какъ увидаль множество народу и табуны скота. Эти народъ и скоть принадлежали отцу его. Подѣзжая къ воротамъ дома, принадлежащаго владѣльцу, Айманьсь увидаль здѣсь множество богатырей, сдиющихъ дань. Онъ сошелъ съ коня, вошелъ въ домъ и видить въ немъ растянувшася хозяина, котораго и привѣтствуетъ: „Здравствуй, другъ!“ Хозяинъ, не вставая, съ пренебреженіемъ спрашиваетъ: „Ты кто такой?“ Айманьсь его перебиваетъ; „Нѣтъ, тебя какъ зовуть, убійца отца моего?“

— „Меня какъ зовутъ? Я богатырь Чеекъ, ѣздящій на рыжемъ конѣ.“

„За что ты убилъ моего отца?“

— „За то, что твой отецъ не платилъ мнѣ дани; впрочемъ, твой народъ и твой скоть здѣсь, и если угодно, то возми ихъ и будемъ друзьями.“

„Ты убилъ моего отца, а теперь я убью тебя и тогда уже уведу народъ и скоть.“

— „Чтобы намъ не убивать другъ друга, возми мою сестру за себя.“

— „Нѣтъ, будемъ драться на смерть,“—и ударилъ Чеека. Завязалась борьба: стали драться, стрѣляться. Долго-ли, коротко-ли они бились, какъ подошла къ нимъ сестра Чеека и говоритъ: Перестаньте драться: я пойду за Айманьса. Айманьсь посмотрѣль на дѣвушку и замѣтилъ, что она красавица, и потому пересталь драться, пошелъ въ домъ и задала пиръ. Послѣ пиршества Чеекъ говоритъ: „Айманьсь! у тебя теперь есть жена, а у меня нѣтъ; мнѣ нужно жевиться. Я знаю одну дѣвицу, поѣдемъ посватаемъ ее за меня“. Отиравились. Много-ли, мало-ли они ѣхали, доѣхали до невѣсты, у которой народа и скота премногое множество. Невѣста, по имени Царь—дѣвица, вышла къ

нимъ на встрѣчу и говорить: „Богатырь Чеекъ! давай свачала подеремся: если ты одолѣешь меня, то я пойду за тебя, а если я одолѣю тебя, то—убью.“ Вышли они на поединокъ: стали драться, стрѣляться, сражаться впродолженіи 7 лѣтъ. Черезъ 7 лѣтъ богатырь Чеекъ былъ побѣжденъ. Потомъ вышелъ Айманьсь, схватился съ дѣвицей и тоже дрались, боролись, стрѣлялись и сражались въ теченіи 7 лѣтъ. Черезъ 7 лѣтъ и Айманьсь былъ побѣжденъ. На смѣну его опять подошелъ Чеекъ и схватился съ дѣвицей: стали драться, барахтаться, стрѣляться въ теченіи 3 лѣтъ. Черезъ 3 года Чеекъ сказалъ: „Много было во мнѣ силы, но теперь, кажется, не могу одолѣть эту госпожу;“ впрочемъ, опять схатились. Дѣвица ослабѣла и сказала: „Силы моей не хватаетъ, пойду за тебя.“ Бой кончился; пришелъ Айманьсь, сдѣлали пиръ, сыграли свадьбу, ѣли мясо, пили вино, пировали 7 дней. Богатырь Чеекъ сказалъ: „Пора намъ ѣхать домой;“ забрали народъ и скоть и втроемъ отравились въ домъ Чеека. Много-ли, мало-ли они ѣхали и доѣхали. Подѣзжая къ воротамъ дома Чеека, Айманьсь замѣтилъ, что тутъ стоитъ вороной конь. Айманьсь говоритъ своимъ спутникамъ: „Вы здѣсь подождите, а я посмотрю: кто тамъ пріѣхалъ—богатырь или простой человекъ.“ Айманьсь входитъ въ домъ и видитъ, что тамъ сидитъ богатырь, который сказалъ: „Здравствуй, другъ Айманьсь! Ты взялъ мою невѣсту!“ Айманьсь спросилъ: „Какъ тебя зовутъ и кто твой отецъ?“

—У меня нѣтъ ни отца, ни матери; мое имя: *Алтын-Эргекъ*, взящій на ворономъ конѣ.

—„Жену мою я не отдамъ; подеремся, кто изъ насъ будетъ сильнѣе, тотъ ее и возьметъ.“

Они схатились, дрались, стрѣлялись. Много-ли, мало-ли прошло времени, Айманьсь ослабѣлъ, заплакалъ отъ досады, что не могъ убить Алтын-Эргекъ, и сказалъ: „Убей меня скорѣе и жену мою возьми!“ Но подошелъ къ нимъ Чеекъ и сказалъ: „Не убивай его (Айманьса); лучше меня убей.“ Алтын-Эргекъ дрался, боролся съ Чеекомъ 3 года: Чеекъ погибъ. Опять пришелъ Айманьсь на борьбу: стали драться, изъ луковъ стрѣляться, мечами биться. Айманьсь опять ослабѣлъ, но убить его не довелось, хоть онъ и повторялъ, чтобъ Алтын-Эргекъ убилъ его и взялъ себѣ его жену. Въ то время, какъ Айманьсь ослабѣлъ, подошли къ

единоборцамъ два пѣвца и стали пѣть: „Пусть не умираетъ Айманьсь; насъ убей, вмѣсто него.“ — Они пѣли-пѣли, какъ вдругъ Алтын—Эргеъ и конь его превратились въ каменныя скалы. Айманьсь подошелъ къ пѣвцамъ, поздоровался и спросилъ:

— Откуда вы?

„Мы люди твоего отца Унась нѣтъ ни отца, ни матери; мы сами собою появились на свѣтъ“.

Старцы эти оживили Чеека, вошли въ домъ, ѣли мясо, пили вино, боролись, пировали 3 дня. Послѣ пиршества Айманьсь съ своею женою, своимъ народомъ и скотомъ возвратился въ юрту своей тетки и здѣсь задали пирь, на которомъ жена Айманьсова раздавала бѣднымъ одежды. Послѣ пира жили мирно и никуда уже не странствовали.

#### IV.

27 Мая Радловъ оставилъ улусъ Сыбыргы и поплылъ далѣе вверхъ по теченію Мрасы. Въ разстояніи двухъ верстъ, онъ миновалъ деревню Чыбашъ, а въ разстояніи семи—улусъ Капичакъ. Мраса образуетъ здѣсь множество рукавовъ, изъ которыхъ только одинъ удобенъ для плаванія, да и тотъ имѣетъ такое сильное паденіе, что это плаваніе небезопасно. Ночью путешественникъ прибылъ въ улусъ Тосъ (сосновая гора), въ 22 верстахъ. Характеръ берега почти такой же, какъ у Сыбыргы: довольно высокія волнообразныя горы, густо поросшія сосновымъ лѣсомъ. До Сыбыргы лѣвый берегъ былъ еще ровень, но у Тоса и здѣсь начинается гористая мѣстность. 28 Мая сильный дождь задержалъ Радлова въ этомъ улусѣ и воспрепятствовалъ ему въ дальнѣйшемъ путешествіи. Оно представляло не малыя затрудненія. На пространствѣ по меньшей мѣрѣ 100 верстъ по Мрасѣ нѣтъ никакого жилья, а съ тѣмъ вмѣстѣ никакого пріюта. На лошадяхъ этотъ путь можно бы было совершить легко, но у здѣшнихъ жителей нельзя было найти лошадей для снаряженія небольшого каравана. По этому оставалось одно средство—плыть водою.

29 Мая утромъ Радловъ оставилъ улусъ Тосъ и поплылъ на трехъ лодкахъ. День обещалъ быть хорошимъ, потому что голубое небо было безоблачно. Великолѣбною

пестрою и безпрестанно мѣняющеюся панорамною тянулись гористые берега передъ глазами путешественника. Прежде всего взоръ съ наслажденіемъ останавливался на свѣжемъ весеннемъ ландшафтѣ прирѣчной низменности, около 100 шаговъ шириною, которая, будучи покрыта роскошною растлнвостью, представляла превосходный зеленый коверъ. Непроницаемымъ слоемъ, въ 2—3 фута высоту, широколиственныя растѣнія покрывали здѣсь землю и изъ подъ нихъ выбивались милліоны различныхъ цвѣтовъ. Этотъ береговой коверъ окаймляли бѣловатые кусты тальника и березника. Далѣе поднимались прелестныя группы холмовъ, поросшія березами, между которыми, какъ черныя обелиски, возвышались стройныя островершинныя пихты. Черезъ нѣсколько верстъ ландшафтъ перемѣнился, свѣжая зелень исчезла и гигантскіе утесы ограничивали Мрасу. Лѣсъ, тянущійся по покатамъ горъ, становился рѣже и рѣже; живописными группами выступали впередъ сѣрыя, голыя скалы. Безчисленными пирамидами громоздились каменныя массы все выше и выше, а въ разсѣлинахъ ихъ росли деревья. Между дикими зубцами скалъ появлялись въ отдаленіи гордыя вершины горныхъ великановъ. Но и этотъ дикій каменный берегъ скоро исчезалъ, скалы выступали все рѣже и рѣже, уступая мѣсто густому покрову древесной растительности. Наконецъ, зубчатая скалы исчезли совсѣмъ и берега, какъ гигантскія каменныя стѣны, тянулись надъ рѣкою. Покрытые мохомъ, онѣ также представляли глазамъ наблюдателя пріятный и разнообразный видъ. Мало по малу горныя породы совсѣмъ прекращались, лѣсъ одерживалъ верхъ и только вдаль виднѣлись пирамидальныя вершины все выше и выше поднимавшихся горъ. Черныя сосны и темнозеленыя кедры покрывали горныя стѣны и придавали ландшафту величественный видъ. Въ отдаленіи горныя группы становились все свѣтлѣе и свѣтлѣе и на горизонтѣ возвышалась туманная горная масса, покрытая на вершинахъ вѣчнымъ снѣгомъ, который при солнечномъ сіяніи, блисталъ какъ серебро. Недостаетъ словъ описать всѣ эти, чудныя, поразительныя картины. Однакожъ, не смотря на все это, имъ не достаетъ самаго величественнаго въ природѣ—жизни. Человѣкъ никогда не обиталъ въ этихъ мѣстахъ, и даже члены животнаго царства появляются по одиночкѣ. Весьма рѣдко слышенъ здѣсь шумъ въ кустахъ, производимый козулею, рѣдко раздаются пѣніе птицы. Только медвѣдь посѣщаетъ эту пустыню, гдѣ онъ въ мирѣ наслаждается своею любимую бдою, — ягодами и орѣхами, и глухо реветъ по ночамъ.

Пословица, утверждающая, что «радость безъ горя не бываетъ», оправдалась вполне на Радловѣ во время этого путешествія. Солнце пекло невыносимо, но надо было смиренно предаться своей участи, потому что малѣйшее движеніе могло опрокинуть лодку. Первый день погода была хорошая, но въ теченіи трехъ слѣдующихъ—дождь, противъ котораго не было никакой защиты. Въ короткое время онъ промочилъ путешественника насквозь да и самую лодку такъ наполнялъ водою, что нужно было безпрестанно останавливаться, чтобы отливать ее. Только что, послѣ дневныхъ трудовъ, лодки приставали къ берегу, какъ начинались новыя муки. Милліоны комаровъ окружали Радлова и кусали такъ безжалостно, что въ нѣсколько минутъ руки и лицо покрывались волдырями. Даже самые спутники его, здѣшніе уроженцы, привыкнувшіе къ подобнымъ страданіямъ, часто, какъ безумные, катались по землѣ отъ муки. Противъ этого неудобства только одно средство—дымъ. Причаливъ къ берегу, всѣ бѣжали отыскивать гнилушки; вокругъ мѣста стоянки и даже въ самой палаткѣ разводилось курево, и скоро непроницаемый дымъ покрывалъ все. По утру, обыкновенно, болѣла голова.

На другой день, около полудня, путешественникъ достигъ большаго перебора рѣки, о которомъ ему уже говорили, какъ о затруднительномъ. Береговыя скалы подступаютъ здѣсь ближе къ рѣкѣ, но силою времени онѣ разрушены, и громадные обломки гранита, между которыми, пѣнясь стремится вода, покрываютъ русло. На лодкѣ проплыть здѣсь невозможно, вещи надо переносить чрезъ обломки скалъ и самую лодку, посредствомъ веревокъ и жердей, необходимо перетаскивать берегомъ. Проводники лодки полагали, что длина опаснаго мѣста простирается на 5 верстъ и хотѣли, чтобы Радловъ переночевалъ здѣсь; но онъ не вѣрилъ этому показанію и распорядился сейчасъ же переносить вещи чрезъ обломки гранита, а между тѣмъ, закусивъ немного, отправился съ своими спутниками для рекогносцировки мѣстности на дорогу и нашелъ, что слова туземцевъ на этотъ разъ справедливы. Дорога змѣилась вдоль берега между громадными гранитными обломками; то надо было прыгать со скалы на скалу, то катиться съ крутизны. На половинѣ пути дорога пропадала, и только съ невыразимыми затрудненіями путешественнику удалось, уже при наступленіи темноты, достигнуть конца обвала.

Проводники перетаскивали лодку и небольшую часть

вещей, и отправились за остальными. Къ сожалѣнію, наступала ночь, такъ что имъ не удалось достигнуть этой цѣли, и путешественники остались безъ теплаго платья, безъ пищи, даже безъ огня. Они улеглись на выдающейся площадкѣ скалы на голой землѣ, а сѣдла употребили вмѣсто подушекъ. Однакожь, голодь, холодъ и мокрота почти не дозволили имъ уснуть, не смотря на утомленіе, перенесенное днемъ. Ночью ихъ беспокоилъ много разъ ревъ медвѣдей, знакомство съ которыми было бы не изъ числа пріятныхъ, тѣмъ болѣе, что у Радлова и его спутниковъ не было съ собой никакого оружія. Рано утромъ прибылъ второй транспортъ съ вещами, а около полудня послѣдній съѣстными припасами.

Только на четвертый день путешествія Радловъ увидѣлъ на голыхъ прибрежныхъ горахъ небольшія поля, засѣяныя ячменемъ, погруженныя въ рѣку сѣти и другіе признаки близости человѣческаго жилья; къ вечеру того же дня онъ счастливо добрался до деревеньки Челей, гдѣ и переночевалъ.

Челей—небольшая деревенька на правомъ берегу Мрасы. Она состоитъ изъ 15 бревенчатыхъ хижинъ съ плоскою кровлей и безъ печей. Хижины выстроены продолговато. По длинной сторонѣ въ срединѣ кровли находится дымопроводъ около двухъ аршинъ длины. Стѣна, обращенная къ нему, и полъ хижины смазаны глиною, а какъ разъ подъ дымопроводомъ разводится большой огонь. Въ стѣнѣ, обмазанной глиною, находятся отверстія, въ которыя вбиваютъ колышки, чтобы вѣшать котелки. Въ хижинѣ вокругъ стѣнъ идетъ скамья  $\frac{1}{2}$  фута вышины и 4 фута ширины, покрытая берестюю. Подъ кровлей висятъ на шестахъ платье, сѣти и проч.

Здѣшніе жители находятся на значительно низшей степенн културы, сравнительно съ жителями низовьевъ Мрасы: они боязливо избѣгаютъ каждаго чужеземца, и только подарки могли удержать ихъ въ деревенькѣ. Мало—помалу, они стали довѣрчивѣе, собрались вокругъ палатки Радлова и вступили съ нимъ въ разговоры. Внешностью они мало отличаются отъ видѣнныхъ имъ прежде Мрасскихъ татаръ. Верхнее платье мужчинъ состоитъ изъ холщоваго халата, обшитаго синей матеріей.—Женщины носятъ короткія, открытыя спереди, синія рубашки и

сверху ихъ длинныя халаты, какъ и мужчины, сверху обшитые, обыкновенно, синимъ или краснымъ; эти халаты подпоясываются поясами, на которыхъ спереди висятъ ключи. Волосы онѣ носятъ въ двѣ косы, связанныя вмѣстѣ концами, а голову обвертываютъ платкомъ. Хотя хижины въ очень жалкомъ положеніи, однакожь обитатели ихъ состоятельныѣе татаръ, живущихъ въ низовьяхъ Мрасы, потому что здѣсь значительныя выгоды приносятъ звѣриный промыселъ. Что касается до земледѣлія, то здѣсь сѣютъ только ячмень, который, будучи смолотъ, составляетъ главную пищу здѣшнихъ инородцевъ. Для обработки земли они употребляютъ мотыги, называя ихъ *абыль*. Соха у нихъ неизвѣстна. Жнутъ—серпомъ особаго рода.

Здѣшніе Татары хотя и не крещены, однакожь шамана у нихъ нѣтъ. Понятіе о религіи у нихъ очень слабо и всѣ ихъ религіозныя обряды состоятъ въ томъ, что они поутру, вставъ, кланяются на востокъ. Ихъ символъ вѣры кратокъ и гласитъ:

„Въ небѣ живетъ Богъ (Кудай), который сотворилъ землю; онъ называется Микола (Св. Николай Чудотворецъ); но подъ землею живетъ злой, который называется Аина. Когда человѣкъ умеръ,—Аина съѣдаетъ его душу.“

На слѣдующее утро Радловъ оставилъ улусъ Челей и поплылъ вверхъ по Мрасѣ до улуса Усунарга; здѣсь готовы были уже лошади и онъ сухопутно доѣхалъ до деревни Карга.

Это довольно порядочная деревня на Мрасѣ, состоящая изъ 40 хижинъ; только у одного башлыка, кромѣ хижины, есть еще небольшой домъ для зимы. Каргинскіе Татары должны быть самыя зажиточныя въ окружающей странѣ, потому что хорошіе луга и пастбища позволяютъ держать здѣсь много скота. И здѣсь Радловъ напрасно розыскивалъ шамана; ему сказали, что былъ у нихъ шаманъ, да нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ и теперь они обходятся безъ шамана.

Такъ какъ діалектъ Каргинскихъ татаръ совершенно ничѣмъ не отличался отъ прежде встрѣчавшихся, то путешественникъ отправился дальше, въ лодкѣ, вверхъ по Мрасѣ, до урочища Акъ-Кайя (Бѣлая скала). Однакожь до

этой мѣстности до вечера онъ достигнуть не могъ и долженъ былъ переночевать въ юртѣ, въ 5 верстахъ отъ Акъ-Кайя.

Начиная съ Карги, долина Мрасы населена сильнѣе; во многихъ мѣстахъ на берегу попадаются юрты, а въ рѣкѣ закинутыя рыболовныя сѣти. Характеръ береговъ рѣки здѣсь также другой, нежели по ту сторону Карги. Береговая долина и окружающія ее возвышенности поросли густымъ чернолѣсьемъ, и позади его высятся гигантскія скалы. До Карги Радловъ нигдѣ не видалъ ели, съ того мѣста, гдѣ оставилъ Томъ; начиная отъ Карги, береговыя горы густо поросли еловымъ лѣсомъ.

У Акъ-Кайя были готовы уже лошади, присланныя изъ ближайшихъ юртъ. Дальше дорога шла по возвышенностямъ праваго берега Мрасы на разстояніи 25 верстъ. По всюду дѣвственный лѣсъ, крутыя горы и обрывистые спуски. Узкая тропка вилась по густоразросшемуся кустарнику, сквозь который иногда съ трудомъ можно было пролагать для себя путь. Низверженные гиганты-деревья, съ своими обнаженными, поднятыми вверхъ какъ руки, вѣтвями; громадные камни, густо обросшіе мохомъ и ползучими растеніями; болота и водопады,—все это становилось постоянными препятствіями на пути. Но и въ этой пустынѣ природа была чудно хороша. Гигантскія сосны и кедры перпендикулярно поднимались къ небу. Ихъ вѣтви часто закрыты толстымъ покрываломъ бѣлаго мха и лучи солнца только съ трудомъ могутъ проникать эту кровлю изъ-вѣтвей, такъ что путешественники были облиты какимъ-то магическимъ полусвѣтомъ. Земля была покрыта сплошь свѣжею зеленью растеній и цвѣтовъ. За то вездѣ видны были слѣды царя этихъ мѣстъ—медвѣдя (ампакъ старикъ).

Когда достигнешъ возвышенія, лѣсъ начинается рѣдѣть и открывается величественное зрѣлище на Мрасу, которая несется въ глубинѣ между береговыми горами. Обитающіе здѣсь татары до чрезвычайности боятся медвѣдей. На пути Радловъ и его спутники увидѣли медвѣженка, который сидѣлъ на вершинѣ осины. Проводники его поблѣднѣли отъ страха и съ трудомъ могли удержаться вмѣстѣ, потому что хотѣли разсыпаться во все стороны; все съ испугомъ говорили странное слово: ампакъ! ампакъ! Они промышляютъ медвѣдя только зимою, когда онъ, по причи-

нѣ глубокихъ снѣговъ, не опасенъ, лѣтокъ же они стараются удалиться отъ него, какъ только его увидятъ, потому что винтовки ихъ малопульныя, которыми нелегко убить звѣря. Зимой медвѣдя убиваютъ различными способами: или закладываютъ всѣ отверстія его берлоги, кромѣ одного такой величины, что онъ можетъ высунуть только голову, пробуждаютъ его шумомъ отъ сна и убиваютъ сейчасъ, какъ только онъ просунетъ голову, топоромъ; или въ заложенную берлогу продѣваютъ шесть, набитый длинными гвоздями, о которые мишка портитъ свои лапы. Иногда зимою ходятъ на медвѣдя съ винтовками, лѣтомъ ловятъ его петлями.

Около полудня путешественники достигли улуса Кызыль-Кая. Здѣсь находилось около 15 юртъ, устроенныхъ почти также, какъ въ улусѣ Челей, онѣ раскинуты были на высотѣ береговой горы. Юрты были почти пусты, потому что здѣшніе татары не заботятся ни о чемъ, кромѣ того только, чтобы запастись однимъ ношебнымъ платьемъ; всѣ ихъ кухонныя принадлежностями состоятъ въ котлѣ для варенія и сковороды для поджариванія ячменя. Кружки, чашки и проч. замѣняются у нихъ согнутымъ кускомъ бересты. Вообще, они стоятъ на самой низкой ступени образованія сравнительно со всѣми жителями Алтая. Кромѣ мяса, они не знаютъ другой пищи, какъ поджаренный ячмень, калба, кандукъ и луковицы лилій; лошадей держатъ только для ѣзды и кобылъ недоятъ. Единственное ихъ занятіе состоитъ въ посѣвѣ такого количества ячменя, какое можетъ быть достаточнымъ для пропитанія. Иногда запасъ ихъ истощается преждевременно и нерѣдко случалось, что люди умирали съ голоду. Ихъ плохія жилища не могутъ защитить отъ холода и когда наступаетъ холодная зима, они отправляются просить пріюта въ Каргу или на золотые промысла.

Одежда этихъ обитателей береговъ Мрасы отличается отъ одежды прежде описанныхъ татаръ. Мужчины носятъ длинныя рубашки и кафтаны изъ различныхъ матерій; зимою—овчинныя тулупы. У женщинъ—длинныя, обыкновенно синія, платья, обшитыя по плечамъ и по груди ракушками. Къ косамъ прибавляются тяжелая привѣска изъ стекляруса всевозможныхъ формъ и цвѣтовъ; она прикрѣпляется ниже пояса. Въ косахъ женщины носятъ мѣдныя пуговицы и серьги, прикрѣпляя ихъ нитками бусъ. Сами

они нелюдимы и боязливы, такъ что одно бранное слово можетъ ихъ разогнать. Однакожь, не смотря на эту боязливость, любопытство заставляетъ ихъ знакомится съ путешественникомъ. У дверей юрты, гдѣ помѣстился Радловъ, собралось около 25 человекъ, и никто изъ нихъ не рѣшался войти въ нее, а просовывали только въ дверь головы одинъ за другимъ. Какъ мужчины, такъ и женщины курятъ табакъ; трубки они вырѣзываютъ изъ дерева, а табакъ, какъ и всѣ предметы роскоши, покупаютъ у Русскихъ. Хозяйка Радлова, молодая женщина лѣтъ 18, съ удивленіемъ смотрѣла на приготовленія его прислуги къ стращиѣ и не могла надивиться его необыкновенному пиру. Она взяла предложенную ей сигару, но только не курила ее, а отдала своему мужу.

Въ здѣшнемъ улусѣ живетъ шаманъ, который показалъ Радлову свой волшебный бубень; онъ не многимъ отличается отъ употребляемыхъ у Телеутовъ. Относительно вѣрованій шаманства онъ не могъ ничего сообщить и на всякій вопросъ отвѣчалъ: мнѣ пилбэнъ чадырымъ—не знаю.

Около вечера путешественники оставили Кызыль-Кайя. Дорога внизъ по теченію, вслѣдствіе скользкости почвы, была не безопасна. Они перешли рѣчку Псассъ, недалеко отъ впаденія ея въ Мрасу, и на другомъ берегу нашли нѣсколько юртъ. Наступила темная ночь. Дорога шла густымъ лѣсомъ и лучи мѣсяца не могли проникнуть сквозь сводъ вѣтвей. Шаги лошадей и монотонная пѣсня проводниковъ были единственные звуки, нарушавшіе тишину ночи. На высотѣ лѣсъ сталъ рѣже и свѣтлое сіяніе мѣсяца разволило увидать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдаленіе. Вокругъ возставали черныя великаны горъ и, при матовомъ освѣщеніи мѣсяца, въ легкихъ линіяхъ обозначались на горизонтѣ. Въ долинахъ царствовала непроицаемая ночь, такъ какъ отъ рѣкъ поднимались густыя облака тумана и до краевъ наполняли котловины долинъ. Татары говорили, что до улуса Тайяшъ разстоянія было не болѣе 6 верстъ, однакожь давно прошла и полночь, какъ путешественники услышали далекій лай собакъ, который далъ имъ знать о близости человѣческаго жилища.

Улусъ Тайяшъ находится недалеко отъ берега Псасса, на возвышенности горнаго гребня. Онъ состоитъ почти

изъ 10 юртъ, изъ которыхъ самая большая, юрта Башлыка, была указана Радлову для ночлега. Внутреннее устройство ея не отличалось ничѣмъ отъ видѣнныхъ прежде. Кое-какъ закусивъ послѣднимъ своимъ запасомъ, московскими сухарями, утомленные путешественники расположились спать на нарахъ.

Такъ какъ ни языкъ, ни одежда, ни образъ жизни Тайяшскихъ татаръ не представляли ничего замѣчательнаго, то Радловъ, для пополненія своихъ запасовъ, рѣшился отправиться на Спасскій золотой промыселъ. Слѣдуя теченію Псасса, онъ въ 15 верстахъ встрѣтилъ улусъ, гдѣ нѣсколько поотдохнулъ и, какъ только лошади были готовы, отправился далѣе. Въ вечеру онъ былъ уже въ другомъ татарскомъ улусѣ, въ 20 верстахъ отъ перваго недалеко отъ берега Кондомы (Кондымъ), и переночевалъ здѣсь. Въ этомъ улусѣ было нѣсколько русскихъ крестьянъ, у которыхъ можно было купить хлѣба и рыбы. Поутру, проѣхавъ Александровскій золотой промыселъ, находящійся въ 5 верстахъ отъ помянутаго улуса, Радловъ сдѣлалъ еще 30 верстъ и около полудня прибылъ на Спасскій золотой промыселъ.

Отъ Тайяшъ страна менѣе покрыта лѣсомъ, чѣмъ прежде, и горы не такъ высоки и круты. Здѣсь встрѣтятся большія пространства, удобныя для пастбищъ, по этому непонятно, отчего жители держатъ такъ мало скота. Недалеко отъ Александровскаго золотого промысла, путешественники достигли Кондомы, берега которой незначительной высоты. Долина Кондомы производитъ пріятное впечатленіе свѣжестью и разнообразіемъ, какихъ лишено чернолѣсье. Ряды холмовъ частію поросли березами, осинами, елями и соснами, частію голы и покрыты только роскошною травою. Долина рѣки не широка и поросла густымъ тальникомъ.

Разставаясь здѣсь съ Шорскими татарами, Радловъ дѣлаетъ объ нихъ слѣдующія общія замѣчанія.

Шорцы, называемые телеутами Шоръ-Кижки, обитаютъ въ верхней области Томи, начиная съ Кузнецка, по Томи, Мрасѣ и Кондомѣ. У нихъ нѣтъ общаго имени, а называются они по рѣкамъ, у которыхъ живутъ: Томъ-Кижки (Томскіе люди); Мрасъ или Прасъ-Кижки (Мрасскіе

люди:) и т. д. Имя татаръ, которое извѣстно только крещенымъ татарамъ, дано имъ Русскими. Они распадаются на 12 родовъ: 1) Кызай (Кызыль-Кайя) 2) Тайяшъ; 3) Кодги; 4) Койы; 5) Кара Шоръ; 6) Сары Шоръ; 7) Кергг; 7) Чэлэй; 9) Чэдибэръ; 10) Сэбэ; 11) Тарткынъ; 12) Уста. У каждаго изъ этихъ родовъ есть свой Башлыкъ (старшина), кругъ дѣйствій которыхъ почти тотъ же, что и Алтайскихъ Зайсановъ, хотя у нихъ нѣтъ вишней обстановки послѣднихъ. И здѣсь, по видимому, имѣетъ мѣсто правило наслѣдованія должности Башлыка. Роды здѣсь находятся еще въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, нежели у Алтайцевъ, такъ какъ у каждаго изъ нихъ есть свой Башлыкъ и они живутъ большею частью вмѣстѣ. Только крещенные Татары составляютъ исключеніе изъ этого; они живутъ смѣшанно въ своихъ деревняхъ. Жиллица этихъ родовъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

1. По Томи: Чэлэй, Чэдибэръ; Сэбэ, Тарнынъ.
2. По Мрасѣ: Чэдибэръ, Карга, Чэлэй, Койы, Кызай, Уста.
3. По Псассу: Тайяшъ.
4. По Кондомъ: Кара Шоръ, Шары Шоръ, Таркынъ, Чэдибэръ и Сэбэ.

И здѣсь господствуетъ обычай, вслѣдствіе котораго члены одного рода не женятся между собою.

Историческихъ преданій у нихъ не сохранилось никакихъ. Однакоже Радловъ полагаетъ, что эти инородцы происходятъ отъ оставшихся въ здѣшнихъ лѣсахъ Самоѣдовъ или Енисейскихъ Остяковъ, которыхъ обитающіе въ сосѣдствѣ Телеуты отатарили. Къ этому заключенію приводятъ его слѣдующія соображенія.

1. Родовыя названія этихъ инородцевъ совершенно другія, чѣмъ у Телеутовъ (Алтайцевъ) и Двоеданцевъ. Два изъ нихъ напоминаютъ даже родовыя названія инородцевъ Енисейской губерніи: это Карагассы и Кызай, обыкновенно, называемые Кызыль (Кизильцы).

2. Физиономія ихъ представляетъ опредѣлечный типъ, совершенно различный отъ монгольскаго.

3. Языкъ ихъ очень близокъ къ кайбальскому, особенно въ метемѣ гласныхъ, такъ что въ нихъ видно вліяніе одного и того же чуждаго элемента. Кромѣ того, сказки ихъ содержатъ признаки близкаго родства.

4. Имена рѣкъ здѣсь не татарскія, а оканчивающіяся, большею частію, на *сасъ, эсъ* Судя по этимъ именамъ, должно предположить, что въ этихъ мѣстахъ жили ранѣе Енисейскіе Остяки или Китты. Нѣкоторыя имена объясняются Енисейско-Остяцкимъ словаремъ Кастрена; такъ, на примѣръ: Пэйсэсъ-Вѣтренная рѣка, отъ *бей-вѣтеръ* и *сэсъ-рѣка*; Камсасъ-Стрѣла-рѣка, отъ *кіамъ-стрѣла*; Аміасъ-Мать-рѣка, отъ *амъ-мать*; Синеэсъ-Грязная-рѣка, отъ *симъ-грязь*; Пайсасъ-Кедровая рѣка, отъ *фай-кедръ*.

По образу жизни, эти инородцы раздѣляются на двѣ группы: 1) осѣдлыхъ, каковы крещеные Татары по Мрасѣ и томи, 2) черневыхъ, каковыя живущіе по верхней Мрасѣ и верхней Кондомѣ.

Первые нѣсколько цивилизованы русскими крестьянами, большею частію крещены и живутъ въ домахъ или бревенчатыхъ юртахъ. Послѣдніе живутъ разсѣянно по всей странѣ въ жалкомъ положеніи, очень мало обрабатываютъ земли и почти незанимаются скотоводствомъ. Хуже всѣхъ живутъ среди верхняго и нижняго теченія Мрасы. Чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ болѣе оказывается вліяніе Русскихъ, живущихъ на золотыхъ промыслахъ. Здѣсь уже замѣтно нѣкоторое торговое сношеніе прямо съ Русскими (мѣха, рыба, медь). Здѣсь при юртахъ, устроенныхъ изъ бревенъ, встрѣчаются уже амбары; люди лучше, даже богаче одѣты и между ними находятся состоятельные, у которыхъ для зимы построены дома. Въ улусѣ на Кондомѣ жители занимаются разведеніемъ рогатаго скота, домашней птицы и пчель. Но вмѣстѣ съ увеличеніемъ благосостоянія, жители этой мѣстности сильно упали въ нравственномъ отношеніи; корыстолюбіе и непосредственное слѣдствіе его—поползновеніе къ обману, лукавство и безнравственность, обусловливающаяся тѣмъ, что на золотыхъ промыслахъ число мужчинъ превышаетъ число женщинъ, значительно отличаютъ ихъ отъ честныхъ и откровенныхъ братьевъ ихъ, живущихъ съ пустынь.

Шаманство у всѣхъ у нихъ въ упадкѣ. У некреще-

ныхъ по Мрасѣ, большею частію, совсѣмъ нѣтъ шамановъ; у живущихъ близъ золотыхъ промысловъ хотя и есть, но они такъ невѣжественны, что немогутъ имѣть на народъ викакого благоприятнаго вліянія. На Кондомѣ Радловъ въ первый разъ видѣлъ шамана, который молился безъ волшебнаго бубна; одно уже это обстоятельство ясно показываетъ, что шаманство клонится къ упадку, и онъ полагаетъ, что чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ исчезнетъ и послѣдній слѣдъ этой вѣры. Знаковъ для означенія собственности у Шорцевъ нѣтъ, такъ какъ по малочисленности стада, они не нужны.

## V.

Старый Спасскій золотой промыселъ, на которомъ во время путешествія Радлова жила большая часть рабочихъ, лежитъ въ широкой долинѣ Кондомы. Онъ состоитъ почти изъ ситни домовъ, вытянутыхъ въ длинную улицу отъ дома управителя до рѣки; господствующая вездѣ чистота, а также и прекрасное положеніе мѣста производятъ очень пріятное впечатлѣніе. Вокругъ промысла, лежащаго въ котловинѣ, возвышаются невысокія горы.

На самомъ Спасскомъ жило мало рабочихъ, потому что, по недостаточности содержанія золота въ пескахъ, работы на немъ были пріостановлены. Въ ранѣ занятомъ, но далѣе лежавшемъ втунѣ Александровскомъ промыслѣ снова найдено золото и работы производились на немъ всю весну. Для рабочихъ на Александровскомъ промыслѣ работы были очень затруднительны: потому что они жили на Спасскомъ и часто должны были совершать 30-ти верстный путь туда ишкомъ, такъ какъ на Александровскомъ жилища зданія развалились, а къ постройкѣ новыхъ еще не приступали.

Съ 1842 по 1860 г. въ районѣ Спасскаго промысла промыто золота 69 пудовъ 15 фунтовъ 2 золотника 2 доли.

Радловъ оставилъ Спасскій промыселъ утромъ 8 іюня и направился къ Александровскому въ телѣгѣ. За Спасскимъ снова начинается чернь и къ югу все выше и выше поднимаются горы. Дорога была дурна. Около полудня онъ доѣхалъ до Коаринскаго золотого промысла, на кото-

ромъ работъ неприводилось и всѣ дома стали разрушаться. Отсюда нельзя уже было ѣхать на колесахъ, а надо было продолжать путь верхомъ. Чернь продолжалась. Горныя массы все выше и выше поднимались къ югу и тянулись на горизонтѣ подобно облакамъ. Проводники называли эту отдаленную горную массу Абаканскими горами. Къ юго-востоку тянулась другая горная цѣпь-къ Телецкому озеру.

Дорога была дурна, хотя и довольно широка. Нѣсколько недѣль шедшій дождь такъ размягчилъ землю, что она превратилась въ грязь, и лошади вязли въ ней по колѣна. По этому Радловъ только поздно вечеромъ прибылъ на этапъ (21 вер.), устроенный управленіемъ золотыхъ промысловъ. Онъ состоялъ изъ тѣснаго домишка и кишѣлъ разнаго рода наѣдомыми недававшими покоя цѣлую ночь.

На другой день путешественникъ оставилъ этапъ и около полудня прибылъ на Бійскій золотой промыселъ на рѣчкѣ Андоба: онъ не работается, какъ и Коаширскій, и тамъ живетъ только одинъ этапчикъ. Здѣсь Радловъ оставилъ свой багажъ и, въ сопровожденіи одного проводника, отправился на Царево-Александровскій промыселъ (20 вер.), куда прибылъ около вечера. Всю дорогу шелъ сильный дождь и не позволялъ видѣть окрестностей. По близости характеръ ландшафта все тотъ же; всюду окружала мрачная чернь.

Царево-Александровскій приискъ лежитъ на рѣчкѣ Кончакъ. Онъ больше Спасскаго и походить на большое селеніе. Вокругъ его покрытыя лѣсомъ горы.

Здѣсь Радловъ провелъ довольно пріятно Троицкинъ день въ сообществѣ управителя золотыми промыслами и мѣстнаго лекаря. Эти лица живутъ здѣсь круглый годъ. Лѣто проходить еще сносно: музыка, чтеніе, садоводство, охота, рыбная ловля доставляютъ имъ развлеченіе; но зимой, когда приходится сидѣть дома, они немогутъ не жаловаться на скуку.

Жизнь рабочихъ на золотыхъ промыслахъ идетъ однообразно изъ года въ годъ; двѣ недѣли работы смѣняются недѣлею свободнаго времени. Пища ихъ, на сколько

возможно, хороша, потому что они востаточно получают муки и мяса. Правда, что лѣтомъ мясо не всегда бываетъ свѣжее но это зависитъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ.

Само собою разумѣется, что здѣсь соблюдается строгая дисциплина; иначе не возможно бы было держать въ порядкѣ сотни человекъ горно-рабочихъ. Каждый работникъ получаетъ задѣльную плату, а если онъ работаетъ излишніе уроки или въ свободные дни, то получаетъ за это особую плату. Тяжелая работа, убійственная скука въ свободные дни и недостатокъ въ женщинахъ—распространили между рабочими до извѣстной степени тупоуміе, имѣющее послѣдствіемъ значительную безразличность и преступления.

Въ самый Троицынъ день рабочимъ дана была порція водки изъ казеннаго магазина, гдѣ они и должны были ее выпить. Несмотря на запрещеніе начальства уносить водку домой, это не было исполнено и, вслѣдствіе того, вечеромъ большая часть рабочихъ была пьяна. Съ криками и пѣснями ходили они по улицамъ, а потомъ собрались передъ избушками и зажгли огни. Однакожь и ночь и слѣдующій день прошли благополучно, что не всегда бываетъ во время праздниковъ, подъ вліяніемъ водки. \*).

Сдѣланное Радловымъ описаніе золотопромышленныхъ работъ не заключаетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, а потому оно здѣсь и пропускается.

## VI.

13-го Іюня, послѣ обѣда. Радловъ оставилъ Царево-Александровскій промыселъ и направился обратно къ Бійскому. Въ 1½ верстѣ отъ него, онъ повернулъ на западъ къ рѣчкѣ Андаба и слѣдовалъ по ней до рч. Лебедь, а потомъ, по лѣвому берегу Лебеди, до рч. Ульбасъ, почти 35 верстѣ отъ Царево-Александровска. У рч. Андоба были приготовлены свѣжія лошади. Не высокія берега Лебеди, а равно и собственно рѣчная долина до самаго Ульбаса густо поросли березами, осинами и тальникомъ.

---

\*) Все это относится къ тому времени, когда золотые промысла Алтайскаго округа разрабатывались посредствомъ мастеровыхъ и рабочихъ которые были приписаны къ заводамъ. Теперь они разрабатываются вольно-наемными.

На улыбасѣ путешественникъ нашелъ небольшой улусъ, состоящій изъ 8—10 берестяныхъ юртъ. Эти юрты были той же самой конструкціи, какая встрѣчалась у Шарцевъ. Одежда жителей также немногимъ отличалась отъ носимой Шарцами, приближаясь болѣе къ русскому костюму. Впрочемъ, это происходитъ не отъ того, чтобы русское влияние было здѣсь значительно, а отъ того, что Русскіе торгуютъ на золотыхъ промыслахъ готовымъ платьемъ, а инородцы, не имѣя своего національнаго костюма, покупаютъ и носятъ его. Языкъ этихъ инородцевъ также не представлялъ ничего особеннаго, занимая средину между шарскимъ и алтайскимъ.

14 Юня, съ восходомъ солнца, Радловъ оставилъ улусъ на Улыбасѣ. Путь его лежалъ на 20 верстъ противъ теченія Лебеди. Рѣчная долина очень широка и богата отличными пастбищами. Рѣчка дѣлаетъ множество излучинъ, которыя надо было переходить въ бродъ. При одномъ изъ такихъ переходовъ, нѣсколько лошадей потеряли дно и достигли берега вплавь, причемъ весь ихъ грузъ былъ измоченъ. На обоихъ берегахъ Лебеди встрѣчались юрты.

Здѣшніе жители почти ничѣмъ неотличаются отъ встрѣченныхъ въ улусѣ при Улыбасѣ, только они кажутся нѣсколько богаче, потому что больше занимаются скотоводствомъ, Главная пища и здѣсь состоитъ изъ поджареннаго ячменя.

Лебедскіе татары называютъ сами себя Ку-кижи-Лебедскіе люди, отъ Ку—лебедь. Они дѣлятся на два рода—Яки и Чалганъ—и управляются Зайсаномъ изъ рода Чалганъ. Христіанство къ нимъ еще не проникло, но и существованіи шамановъ нельзя было ничего узнать.

Хотя уровень воды въ Лебеди былъ очень низокъ, однакожъ татары совѣтовали Радлову продолжать путешествіе водою. Съ этою цѣлью сдѣлали изъ бревенъ родъ плота, поставили на него палатку и размѣстились довольно хорошо. Въ задней части плота на доски наклали земли и развели на ней огонь. На плоту было шесть челоувѣкъ; изъ нихъ четыре должны были вести плотъ, а двое оставались на всякій случай, въ резервъ.

16 Юня рано утромъ отплыли. Сперва вода была

очень мала, плотъ нѣсколько разъ садился на мель и только съ большими усиліями удавалось его спихивать съ нихъ; потомъ онъ пошелъ нѣсколько лучше. Проѣздъ чужаго въ этой странѣ составляетъ для жителей настоящей праздникъ, потому что все мужское населеніе слѣдовало верхомъ по берегу и какъ только плотъ останавливался, всѣ бросались въ воду и съ криками и пѣснями работали до тѣхъ поръ, пока онъ трогался съ мели. Такое затруднительное плаваніе продолжалось около 10 верстъ: здѣсь конная свита распрошалась и плотъ двинулся далѣе.

Плаваніе по Лебеди шло хорошо, хотя и медленно. Раза три или четыре плотъ становился на мели, и когда проводники не могли его сдвинуть съ мѣста,—въ этомъ принимали участіе всѣ находившіеся на плоту. Теченіе Лебеди не одинаково: въ глубокихъ мѣстахъ оно очень тихо, едва замѣтно, и плотъ приходилось проводить шестами; въ мелкихъ же, на оборотъ, весьма быстро.

Въ первый же день плаванія Радловъ замѣтилъ, что характеръ мѣстности береговъ измѣнился немного. Рѣчная долина была то широка и богата лугами, то суживалась и была покрыта тальникомъ и осинами; выдавались мѣста, гдѣ береговья горы подступали къ самой рѣкѣ: онѣ также были или совершенно голы или покрыты густымъ лѣсомъ.

Такъ какъ ночью, по причинѣ множества мелей, плыть было не удобно, то, отплывъ отъ послѣдняго улуса 25 верстъ, путешественники остановились почевать. Но только что они ступили на землю, какъ въ кустахъ раздался ужасный ревъ. Это былъ медвѣдь. Онъ ужаснымъ образомъ перенугалъ путешественниковъ. Однакожъ все обошлось хорошо. Услышавъ нѣсколько выстрѣловъ, сдѣланныхъ Радловымъ изъ ружья, а также лай охотничей его собаки и крики татаръ, мишка самъ струсился и пустился на утекъ.

На другой день плаваніе началось вмѣстѣ съ восходомъ солнца и путешественники, почти безпрепятственно, доплыли поздно ночью до устья рѣчки Тагутъ. Здѣсь теченіе Лебеди очень сильно.

Въ 1½ в. отсюда находился одинъ улусъ, куда Радловъ и отправился провести ночь.

Языкъ здѣшнихъ татаръ тотъ же самый. Какъ замѣчено выше, онъ составляетъ средину между шарскимъ и алтайскимъ, однакожь склоняется ближе къ послѣднему. Пѣсенъ и сказокъ у здѣшнихъ татаръ мало.

Въ улусѣ на Тагуль, гдѣ почеваль Радловъ, — четыре деревянныхъ дома и двѣ юрты. Юрты принадлежатъ Лебедскимъ татарамъ, а дома Бійскимъ, (Кюсэнъ). Здѣсь ясно отразилось вліяніе Алтая. Лебедскіе татары брѣютъ переднюю половину головы, а позади носятъ короткія косы Алтайцевъ. Бійскіе же, языкъ которыхъ совершенно сходенъ съ языкомъ Лебедскихъ татаръ, — напротивъ, торговые люди, посѣщавшіе Бійскъ, Кузнецкъ и Алтай; по наружности они совершенно обрусѣли, но только брѣютъ всю голову, подобно магометанамъ.

19 Юня Радловъ оставилъ Тагуль верхомъ и отъ Лебеди направился къ Бію. Съ высоты горнаго гребня открывался прелестный видъ на Тагуль, который извивался по обширнымъ прекраснымъ лугамъ. По ту сторону Лебеди возвышается высокій горный хребетъ, частью покрытый густымъ лѣсомъ, частью тянувшійся на горизонтѣ обнаженнымъ.

Чѣмъ больше путешественники удалялись отъ Лебеди, тѣмъ больше лѣсъ становился гуще и гуще. Въ нѣсколькихъ верстахъ они нашли юрту одного изъ Черневыхъ татаръ, которые не въ маломъ числѣ живутъ въ здѣшнихъ лѣсныхъ долинахъ. Растительность представляла ту же роскошь, какъ и по Мрасѣ. Человѣкъ, ѣдущій верхомъ, едва видѣнъ въ высокой травѣ. Горы къ югу становятся выше. Ясно можно различить, какъ двѣ различныя горныя цѣпи тянутся къ югу и юго-западу; западная изъ этихъ цѣпей сопровождаетъ Бію, а восточная служитъ водораздѣломъ между Біей и областью Томи. Эта страна, кажется, особенно богата лѣсною дичью, особенно тетеревами. Первую половину дороги путешественники проѣхали при отличной погодѣ; но потомъ небо заволкло тучами и послѣдніе 10 верстъ пришлось ѣхать подъ проливнымъ дождемъ.

Около вечера они прибыли въ довольно значительный татарскій улусъ, находившійся въ 2 вер. отъ Бія. Въ немъ было около 15 юртъ, просторныхъ и срубленныхъ

большою частью изъ бревенъ. Жители этого улуса—частью—Кюсэнны, частью Чалганы, частью Коммандинцы. По внѣшности они не многимъ отличаются отъ Алтайцевъ; таже одежда и головной уборъ: куртки, длинные кафтаны и тулупы; сверхъ куртокъ они носятъ, большою частью, синіе кафтаны съ красными воротниками. Чедекъ между женскими нарядами не встрѣчался, равно какъ и алтайскія шапки; женщины носятъ головные платки вмѣсто шапокъ, а мужчины русскія шапки разныхъ формъ. Коммандинцы отличаются отъ другихъ татаръ тѣмъ, что они усвоили себѣ русское крестьянское платье.

Языкъ этого татарскаго поколѣнія неотличается почти ничѣмъ отъ языка Лебедскихъ татаръ и долженъ быть одинъ и тотъ же у всѣхъ Коммандинцевъ.

Занятія здѣшнихъ жителей состоятъ въ земледѣліи, скотоводствѣ, звѣроловствѣ и торговлѣ. Землю они обрабатываютъ только мотыгою (обыль) и сѣютъ преимущественно ячмень и пшеницу. Скотоводствомъ занимаются мало и въ особенности разведеніемъ лошадей. Изъ рогатаго скота всемъ улусѣ была только одна корова. Торговля этихъ татаръ состоитъ въ томъ, что они сбываютъ русскіе товары на Чолышманѣ и у Соетовъ. Лѣтомъ они отыскиваютъ рой дикихъ пчелъ, ловятъ ихъ и продаютъ русскимъ купцамъ; эта отрасль торговли незначительна. Промыслъ звѣря производится здѣсь, какъ по всему Алтаю, главнымъ, образомъ осенью. Остальной образъ жизни этихъ татаръ очень простъ и немногимъ отличается отъ образа жизни Алтайцевъ. Женщины исполняютъ, большою частью, домашнія работы. Мужчина обрабатываетъ поле, употребляя на это не болѣе мѣсяца, ходитъ осенью на звѣроловство, косить не много сѣна для скота, а остальное время проводить въ юртѣ—курить, спать, болтаеть. Пища ихъ состоитъ, большою частью, изъ кашицы изъ поджаренной ячменной муки, испеченныхъ въ золѣ пшеничныхъ лепешекъ и сыра; мясо употребляютъ очень рѣдко.

Крещеныхъ здѣсь нѣтъ; всѣ держатся шаманства. По ихъ вѣрованіямъ; творецъ неба и земли—Ульгэнь. Рядомъ съ нимъ—Байяна (богатая мать). Она помогаетъ ему въ твореніи. Но отецъ людей—Ерликъ: «къ нему мы поидемъ, потому что отъ него пришли». Напротивъ, злое существо, Аса, (шайтанъ), находится въ землѣ и преслѣдуетъ чело-

вѣка. Такимъ образомъ, здѣсь Ерликъ непоходитъ на шайтана Алтайцевъ, онъ доброе существо, богъ—покровитель людей, и соответствуетъ скорѣ остяцкому Эртику.

Здѣсь удалось Радлову записать нѣсколько небольшихъ сказокъ, замѣчательныхъ въ томъ отношеніи, что въ нихъ дѣйствующими лицами выведены медвѣдь, волкъ и лисица; первые выступаютъ, большею частію, неопытными, между тѣмъ, какъ лисица, подобно тому, какъ и въ нашихъ сказкахъ, постоянно хитрою обманщицей.

## VII.

20 Июня Радловъ оставилъ улусъ Кюсенъ и направился на юго-востокъ, слѣдуя въ нѣкоторомъ отдаленіи по теченію Біи. Характеръ ландшафта измѣнился немного: на высотахъ росъ сосновый и кедровый лѣсъ, въ долинахъ березовый и еловый. Дорога шла по правому берегу Біи то по высотамъ, то подлѣ самого берега. Могушественная рѣка неслась въ глубокой лѣсистой долинѣ, между значительными береговыми горами, и представляла величественный видъ.

Самая прямая дорога къ Телецкому озеру, которую выбралъ путешественникъ, шла на миссіонерскій станъ Кэбисенъ; но какъ ему сказали, что не далеко отъ этой дороги живетъ одинъ извѣстный пѣвецъ, то онъ рѣшился сдѣлать крюкъ верстъ въ 15, чтобы посѣтить этого пѣвца. Юрта его находилась отъ Кюсэна верстахъ въ 20, которыя Радловъ и проѣхалъ послѣ обѣда. Кюсенъ—самый южный улусъ некрещеныхъ татаръ. Начиная отъ него, инородцы живутъ разсѣяно, не болѣе какъ 3—4 юрты вмѣстѣ. Всѣ онѣ находятся не въ рѣчной долинѣ, а на высотѣ береговыхъ горъ. Юрта пѣвца стояла также на высотѣ, вмѣстѣ съ 3—4 другими. Мѣстность эта должна быть порядочно населена, такъ какъ чрезъ полчаса послѣ прибытія Радлова около палатки его собралось уже до 60 человекъ. Пѣвецъ пропѣлъ нѣсколько небольшихъ богатырскихъ сказокъ, подыгрывая на балалайкѣ. Все населеніе внимательно слушали пѣвца и сопровождало его слова восклицаніями удивленія и страха.

Діалектъ здѣшнихъ татаръ значительно уклоняется отъ діалекта Лебедскихъ. Одежда ихъ совсѣмъ другая, це-

жели у жителей улуса Кюсэнъ. Всѣ мужчины носятъ черныя шапки китайскаго покроя съ желтыми верхушками, а женщины рубашки съ отложными воротничками, украшенными бѣлымъ стекларусомъ.

Утромъ 22 Юня Радловъ поѣхалъ далѣе, по прежнему, вверхъ по теченію Бип. На дорогѣ ему попалось множество юртъ изъ бересты въ видѣ сахарной головы. Онъ перешелъ двѣ рѣчушки—Тонгошку и Толо; послѣ обѣда онъ былъ уже въ станѣ Кэбизенъ, находящемся въ 15 вер. отъ устья рѣчки того же имени. Здѣсь онъ остановился въ домѣ русскаго торгующаго крестьянина.

Миссія не произвела на путешественника пріятнаго впечатленія. Она состоитъ изъ 30—40 берестяныхъ юртъ, въ которыхъ живутъ туземцы, и двухъ деревянныхъ домовъ, принадлежащихъ двумъ, живущимъ здѣсь, русскимъ купцамъ. Юрты были полны грязи, жители ихъ бѣдны, лѣнны, склонны къ пьянству и воровству, въ религіозномъ же отношеніи ничѣмъ не отличались отъ некрещеныхъ. Тщетно миссіонеры снабжали ихъ сѣменами и земледѣльческими орудіями; они продолжаютъ сѣять одинъ ячмень. Вообще, миссіонеры употребляютъ всѣ усилія, чтобы цивилизовать этихъ людей, но труды ихъ не достигаютъ цѣли. Черные татары стоятъ на низшей степени развитія, чѣмъ ихъ сосѣди Алтайцы и, живя въ своихъ мрачныхъ лѣсахъ, имѣютъ весьма рѣдкія сношенія съ Русскими; кромѣ того, въ миссію переселяются и принимаютъ крещеніе только самые бѣдные или тѣ, которые, по своимъ дурнымъ качествамъ, не въ состояніи жить болѣе между своими соплеменниками.

У всѣхъ туземцевъ этой мѣстности господствуетъ такая же бѣдность, какъ и въ Кэбизенѣ. Это тѣмъ удивительнѣе, что страна представляетъ много источниковъ къ гораздо лучшему существованію. Хотя глубокіе снѣга зимою не дозволяютъ держать здѣсь столько скота, какъ на Алтаѣ, однакоже все таки скотоводство могло бы быть значительнѣе, нежели оно въ дѣйствительности, если бы инородцы могли растаться со врожденною имъ лѣнью и заготовляли лѣтомъ побольше сѣна для корма. Тогда у нихъ могло бы быть такое количество скота, какое превышало бы ихъ собственныя потребности. Въ густой чер-

ни держится во множествѣ звѣрь, особенно бѣлка, колонокъ и медвѣдь. Еслибъ инородцы прилежиѣ ходили осенью на промысль, то въ одинъ мѣсяць пріобрѣтали бы добычу, на которую могли бы жить круглый годъ. По этому препятствуетъ ихъ природная лѣность, они остаются на промыслѣ только до тѣхъ поръ, пока не убьютъ такое число бѣлки, какое необходимо на уплату лсака; но для этого нужно не много времени. Пчеловодство могло бы также приносить инородцамъ большія выгоды, если бы они занимались имъ; но теперь они ловятъ дикихъ пчель только для того, чтобы продавать ихъ купцамъ по рублю за рой. Обыкновенно полагають, что пчеловодство на Алтаѣ началось только въ началѣ нынѣшняго вѣка, когда пчелы были привезены изъ Россіи; но это едва ли справедливо, потому что дикія пчелы распространены по всему Алтаю и туземцы имѣють для нихъ, равно какъ для меда, особыя названія, между тѣмъ, какъ все, заимствованное ими у Русскихъ, они называютъ русскими именами. Пчела называется у нихъ *ары*, а медъ *палъ*. Племена, живущія на сѣверъ отъ Кузнецка и узнавшія пчель отъ Русскихъ, называютъ ихъ *шоль*, такъ что здѣсь заимствованіе очевидно. Наконецъ, самый богатый источникъ пріобрѣтенія могъ бы доставить инородцамъ сборъ кедровыхъ орѣховъ, такъ какъ большая часть страны отъ Томи до Телецкого озера и Катуня покрыта огромными кедровыми лѣсами. Хорошее большое дерево даетъ до 30 фунтовъ орѣховъ, самое плохое до 20 фунтовъ. Цѣна на орѣхи всегда довольно высока, такъ какъ это любимое лакомство сибирскихъ крестьянъ, и простирается отъ 1 до 2 руб. ассигн. за пудъ. Торговля кедровыми орѣхами, которая могла бы доставить достатокъ жителямъ, и есть главная причина ихъ бѣдности. Урожай кедровыхъ орѣховъ бываетъ годомъ,—чрезъ три года, какъ рассказываютъ здѣсь. Затѣмъ слѣдуютъ три года не урожая. Въ такіе то плохіе года купцы пользуются положеніемъ инородцевъ для своихъ корыстныхъ цѣлей. При началѣ перваго неурожайнаго года, они открываютъ инородцамъ кредитъ на товары съ тѣмъ условіемъ, чтобы осенью за одинъ рубль ассигнаціями товара, имъ былъ представленъ пудъ орѣховъ, а если инородецъ будетъ не въ состояніи доставить условленное число пудовъ орѣховъ, то долженъ заплатить за каждый недостающій пудъ по 2 руб. ассигн. деньгами или мѣхами. Вслѣдствіе такого условія, долгъ контрагента по поставкѣ орѣховъ въ два слѣдующіе неурожайные года

увеличивается до того, что онъ считаетъ себя счастливымъ, если въ урожайные годы ему удастся собрать столько орѣховъ, сколько нужно заплатить ихъ купцу. Слѣдующій примѣръ можетъ нѣсколько пояснить сказанное. Въ началѣ перваго неурожайнаго года, какой нибудь инородецъ беретъ у купца на 20 р. ассигн. товара, съ условіемъ заплатить ему за это осенью 20 пудовъ орѣховъ. Но онъ въ состояніи доставить только 10 пуд. и остается, такимъ образомъ, долженъ купцу 20 р. Купецъ отсрочиваетъ долгъ до слѣдующаго года на томъ же условіи, такъ что инородецъ снова долженъ доставить 20 пудовъ. Во второй годъ дѣло идетъ еще хуже, и онъ можетъ доставить только 5 пудовъ орѣховъ, оставаясь въ этомъ случаѣ должнымъ купцу 15 пудовъ (30 руб. ассиг.). Купецъ переноситъ этотъ долгъ, какъ и прежде, на слѣдующій годъ. Въ этомъ году инородецъ доставляетъ опять 5 пудовъ и увеличиваетъ свой долгъ до 25 пуд. орѣховъ (50 р. асс.). Въ слѣдующій затѣмъ урожайный годъ ему удается доставить 30 пуд., такъ что во второмъ году онъ остается должнымъ 40 пудовъ, и если затѣмъ въ третьемъ году онъ доставитъ снова 30 пуд., то ему остается заплатить 20 пуд. Такимъ образомъ, купецъ за 20 р. ассиг. получилъ 100 пуд. орѣховъ, которые онъ продаетъ, по крайней мѣрѣ, за 150 руб. ассиг. Какъ отъ такой торговли народъ долженъ бѣднѣть, понятно само собою, ибо далѣе шести лѣтъ купецъ уже не отсрочиваетъ долга инородцу и все, что онъ не заплатилъ ему орѣхами, должно быть заплачено деньгами, звѣриными шкурами или скотомъ.

Черезъ день послѣ того Радловъ оставилъ миссіонерскій стаиъ и отправился далѣе къ Телецкому озеру по самой отвратительной дорогѣ. Около 3 часовъ пополудни онъ былъ уже у юрты Зайсана Орошока, только въ 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> вер., отъ берега Телецкаго озера. У этой юрты собралось около 150 человекъ, которые привѣтствовали путешественника. Зайсанъ подалъ ему руку, помогъ сойти съ лошади и пригласилъ въ юрту, гдѣ угощаль кумысомъ и сыромъ. Юрта была больше, чѣмъ у другихъ татаръ, но отличалась отъ нихъ только тѣмъ, что въ ней находилось больше мѣшковъ, въ которыхъ Зайсанъ держитъ свое имущество. У средней стѣны стоялъ большой деревянный сосудъ для сохраненія кумыса.

Пробывъ здѣсь нѣсколько времени, Радловъ отпра-

вился далѣе, въ сопровожденіи 15—20 татаръ. Проѣхавъ съ версту, онъ достигъ Телецкаго озера. Предъ нимъ представилась величественная картина. Между гигантскими лѣсными стѣнами береговыхъ горъ раскинулась на далекое пространство уже и здѣсь значительная водная масса. Темная зелень горъ мало по малу переходила въ отдаленіи въ сѣрый цвѣтъ, и на заднемъ планѣ возвышался могучій Энгильганъ, выдававшійся надъ другими горами въ видѣ сѣро-серебристаго облака, которое у его подножія сливалось съ бѣло-блестящей равниною воды.

На берегу озера Радловъ нашелъ амбаръ, гдѣ одинъ здѣшній кунецъ хранилъ рыболовныя сѣти и лодки. Тутъ путешественникъ разбилъ свою палатку.

Предполагая проплыть по Телецкому озеру во всю его длину съ сѣвера на югъ, ему надо было позаботиться о приготовленіи для этого плаванія удобныхъ лодокъ. Такія лодки нашлись у купца-рыбопромышленника. Они были гораздо больше обыкновенныхъ татарскихъ лодокъ и, слѣдовательно, безопаснѣе для плаванія. На каждую лодку было посажено по 3 человека, и положено провіанта на 6 дней. Хотя разстояніе отсюда до Чульшмана простиралось не болѣе, какъ 90—100 верстъ и при благоприятной погодѣ можно бы было въ это время достигнуть названной рѣки, однако провіантомъ надо было запастись, потому что бури причиняютъ иногда остановки.

Отъ пункта, гдѣ находился Радловъ, главное направленіе Телецкаго озера идетъ сперва на востокъ. Здѣсь оно шириною не болѣе полуверсты. Береговыя горы высоки, круты и одѣты густымъ чернолѣсьемъ. Въ теченіи четырехъ часовъ путешественники плыли вдоль лѣваго берега и миновали устья рѣчекъ Ожоръ, Юмсэръ и Юргэ. По ту сторону Юмсэра было раскинуто нѣсколько юртъ. Такъ какъ при сильномъ зноѣ грести было трудно, то здѣсь отдохнули около часа. Пока продолжая путь, они миновали устье Юргэ, небо покрылось облаками и неожиданно разразилась гроза, сопровождаемая сильнымъ дождемъ. Мало по малу сдѣлалось темно и мѣстность освѣщалась только блистаньемъ молніи. Громъ гремѣлъ длинными перекатами между высокими горными стѣнами и производилъ величественное впечатлѣніе.

Такъ какъ дождь становился все сильнѣе и лодки на-

полнялись водою, то Радловъ велѣлъ пристать къ берегу, что и удалось. Здѣсь, подъ вѣтвями кедровъ, между обломками скалъ, можно было найти защиту отъ непогоды.

Мало по малу гроза перестала и небо прояснилось. Лодки надо было разгрузить, потому что всѣ положенныя въ нихъ вещи въ короткое время промокли. Послѣ этого, путешественники продолжали плаваніе, направляя его къ востоку. Чѣмъ далѣе плыли они въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе лѣсъ на береговыхъ горахъ становился рѣже и отъ времени до времени выступали впередъ массы скалъ. Между рѣчками Юргэ и Ченченекамъ были почти одиѣ скалы, которыя по ихъ цвѣту, называются у туземцевъ *Акъ-Кайя-Бѣлыя скалы*. По ту сторону Ченченека, путешественники оставили сѣверный берегъ и направились къ югу. Плаваніе продолжалось довольно долго, потому что здѣсь озеро, по крайней мѣрѣ, въ три версты шириною. Когда они достигли противоположнаго берега, недалеко отъ устья Кондора, было уже довольно поздно; а потому расположились на ночлегъ.

Для Радлова рабочіе сдѣлали шалашъ изъ вѣтвей, который могъ защитить его. въ случаѣ дождя, а сами занялись ловлею рыбы. Хотя сѣть, которую взялъ съ собой путешественникъ, была не велика, однакожь въ нѣсколько минутъ было поймано достаточное количество на ужинъ большой прекрасной рыбы, которую татары называютъ *Кызыкъ*, а Русскіе—*Телецкими селедками*. Это самая нѣжная и вкусная рыба. Она вершковъ 10 въ длину, 2—3 вершка ширины, сѣро-серебристаго цвѣта и вообще походить видомъ на Байкальскаго омуля. Татары увѣряли, что это первый Кызыкъ, пойманный въ томъ году. Эта рыба появляется, большою частію, въ началѣ Іюня и бываетъ тогда въ громадномъ количествѣ. Къ этому времени собираются сюда и тупцы на ловлю рыбы и татары. Русскіе солятъ ее, а татары провяливаютъ. Кромѣ сельдя, въ Телецкомъ озерѣ водятся еще Хайрусъ, Таймень неовыкновенной величины и въ большомъ количествѣ, окунь и щука.

На слѣдующее утро Радловъ продолжалъ плаваніе. Обогнувъ гору Болдчоръ, онъ увидѣлъ, что здѣсь озеро совершенно измѣняетъ свое направленіе и подъ прямымъ угломъ устремляется къ югу. Здѣсь оно никакъ не менѣе 4

версть ширины. Береговья горы становятся выше и представляют самые разнообразные виды. Тутъ надо было переплыть на другую сторону озера, а это было не совсѣмъ безопасно, такъ какъ въ теченіи часа времени, которое нужно было употребить на эту переправу, могла подняться буря, и тогда спасеніе было бы невысказуемо. Когда приготовились къ переправѣ, всѣ гребцы поклонились на югъ, бросили въ воздухъ по полной горсти воды и прошептали какія то непонятныя слова. Радловъ спросилъ ихъ о значеніи этой церемоніи и они объяснили, что этимъ они испрашиваютъ благословенія Отца-горы (Алтынъ-тау) на переправу.

Со середины озера былъ обширный видъ къ югу, но отдаленіе было такъ значительно, что южная оконечность озера совершенно пропала въ туманѣ. Когда путешественникъ достигъ другаго берега, южиѣ рѣчки Кэргюрэкъ, характеръ береговьихъ горъ совершенно измѣнился; вмѣсто черни съ ея соснами и кедрами, теперь начиналась тайга (скалистыя горы). Куски скаль были покрыты весьма рѣдко кустарниками. Свѣтлозеленыя пихты, березы, осины и отъ времени до времени ели тянулись изъ разсѣлинъ скаль и придавали берегу свѣжій видъ. Скоро проплыли устье рч. Аю-Кечпесъ. По ту сторону рч. Адамышъ, остановились обѣдать и отдохнуть. Здѣсь берегъ, большею частью, отвѣсно опускается въ воду, и мѣстъ гдѣ можно бы было пристать, очень мало. Гораздо южиѣ береговья горы Чякъ, Пакты и Сэлэкъ на восточномъ берегу были почти совершенно голы. Первые двѣ возстаютъ мало по малу, между тѣмъ, какъ горная масса Сэлэкъ поднимается почти перпендикулярно. Деревья здѣсь только у самой воды. Западный берегъ, на сколько можно было замѣтить, почти не измѣнилъ характера. До устья Кокчю видъ на южный берегъ озера застилается, поднявшеюся массою Кара Корума; но какъ скоро минуешь устье Кокчю, открывается далекій видъ къ югу, и на горизонтѣ появляются могущественныя вершины Алтынъ-Тана и Акъ-Таша, которыя находятся по обѣимъ сторонамъ устья Чульшмана. По ту сторону Кокчи береговья горы опять начинаютъ покрываться лѣсомъ и голыя черныя стѣны становятся рже.

Около вечера путешественникъ достигъ, наконецъ, устья Толума и нашелъ здѣсь первыя юрты Двоеданцевъ.

(\*) Здѣсь самое узкое мѣсто озера и можно ясно видѣть, что на противоположномъ берегу черня прекращается и тамошнія горы густо покрыты пихтовымъ лѣсомъ.

Живущіе на Толумѣ Двоedanцы въ одеждѣ мало чѣмъ отличаются отъ Черневыхъ татаръ. Ихъ войлочные юрты такія же, какъ на Алтаѣ. Главное занятіе ихъ состоитъ въ скотоводствѣ, такъ какъ здѣсь выпадаетъ мало снѣга. Въ ихъ поступи есть что то дикое. По внѣшности они также перяшливы, какъ Чуйцы, потому что, при зажиточности, считаютъ излишнею внѣшнюю роскошь. Двоedanцы занимаются также рыболовствомъ и считаются хорошими стрѣлками. Сверхъ того, они сѣютъ, но только про свои нужды, ячмень, рожь и пшеницу.

Вечеръ былъ великолѣпный; на небѣ—ни одного облачка. Двоedanцы вышли всѣ изъ своихъ юртъ на берегъ и собрались у огня предъ палаткою Радлова. Одинъ изъ нихъ досталъ свою дудку и въ тишинѣ ночи раздались грустныя и жалобныя мелодіи, сдѣлавшія глубокое впечатлѣніе на путешественника. Дудка самой простой конструкціи; высокій стебель кобыргая (больше-лиственное растеніе) гладко срѣзывается съ обоихъ концовъ, а сбоку дѣлается шесть небольшихъ отверстій. Однакожь, не смотря на простоту инструмента, артистъ умѣлъ извлечь изъ него самыя пріятныя тоны. Радлову говорили, что между Чулышманскими Двоedanцами есть много мастеровъ играть на дудкѣ.

Рано утромъ отправились въ дальнѣйшій путь и поплыли вдоль восточнаго берега озера. Сперва онъ скалистъ и эту горную массу называютъ Арталъ. За Арталомъ берегъ становится лѣсистымъ и наконецъ скалы совсѣмъ исчезаютъ.

Радлову рассказывали, что много лѣтъ тому назадъ у Артала была битва,—по однимъ, между Русскими и Двоedanцами, по другимъ,—между Монголами и Двоedanцами, и Двоedanцы загнали своихъ враговъ въ озеро и потопили.

---

(\*\*) Для настоящаго времени названіе это невѣрно: въ 1865 г. всѣ такъ называвшіеся Двоedanцы приняли подданство Россіи и теперь дани Китаю уже не платятъ.

У горы Пелэ путешественникъ оставилъ восточный берегъ и, такъ какъ погода благоприятствовала, перерѣзаль озеро къ югу. Западный берегъ, начиная съ Кара-Коруша, гораздо выше и обрывистѣе восточнаго. Вездѣ гроздятся массы скалъ, на вершинахъ которыхъ лежитъ вѣчный снѣгъ. Но самыя высокія горы находятся близъ устья Чулышмана, къ югу, и называются Акъ тамъ (бѣлыя горы), а на западѣ возвышается Алтыгъ-Тау, самая высокая изъ всѣхъ, которую Калмыки называютъ «Отцемъ горъ и озера». Они питаютъ къ ней особенное уваженіе, и сколько ни пытались взойти на нее, эти попытки не удавались, потому что Богъ не хочетъ, говорятъ Калмыки, чтобы кто нибудь взобрался на „Золотую гору“.

Около трехъ часовъ пополудни Радловъ достигъ устья Чулышмана. Эта рѣка впадаетъ въ Телецкое озеро нѣсколькими рукавами, а потому ширина долины здѣсь болѣе версты. Какъ оазисъ въ пустынѣ своею растительностью чаруетъ путника, утомленнаго однообразіемъ песчаныхъ равнинъ, такъ точно чаруетъ долина Чулышмана путешественника, который въ теченіи нѣсколькихъ дней своего плаванія по озеру видѣлъ только широкую водную равнину, темную чернь и крутыя, негостепріимныя массы скалъ. Она, съ обѣихъ сторонъ обставлена высокими голыми стѣнами скалъ, вершины которыхъ почти всѣ покрыты снѣгомъ, но между этими негостепріимными стѣнами скалъ раскидывается великолѣпный, покрытый майскою зеленью, луговой коверъ, по которому извилисто змѣятся довольно широкіе рукава Чулышмана, окаймленные группами елей, осинъ и тополей.

Если Риттеръ предсказываетъ Телецкому озеру богатую будущность, если полагаетъ, что берега его будутъ покрыты городами и деревнями, а воды пароходами торговыхъ туземцевъ, то все это одиѣ мечты, которыя никогда не осуществляются, потому что озеро не имѣетъ ни одной якорной стоянки и бухты, у него нѣтъ нигдѣ ровнаго берега, на которомъ могла бы пріютиться, хоть маленькая, деревенька. Озеро находится въ скалистой котловинѣ и было и будетъ замкнуто для цивилизаціи. Единственное мѣсто, гдѣ можетъ водвориться значительное населеніе, представляетъ долина Чулышмана. Онъ уже и теперь порядочно населенъ; въ 5—6 мѣстахъ Радловъ нашелъ войлочные юрты; на лугахъ паслось много рогатаго скота,

который составляет главное богатство здѣшнихъ жителей.

Такъ какъ наступала ночь, то путешественникъ остановился на отдыхъ недалеко отъ устья Башкоуса (Пашъ-кобыси-имѣющій много источниковъ).

На другой день по утру прибылъ сюда Темичи Сымынасъ и съ нимъ Радловъ порѣшили, какимъ образомъ достигнуть Абакана. За довольно невысокую плату онъ обѣщался путешественнику заготовить для этого 20 лошадей и дать 6 человекъ, которые должны были довести его до Абаканскаго караула. Поэтому, скорѣе отправились въ путь, чтобы съвернѣе отъ Чюлчэ найти необходимыя приготовления. Пройдя двѣ версты, достигли Башкоуса. Эта рѣка у своего устья очень быстра и потому переправа черезъ нее соединена съ большою опасностію. По ту сторону Башкоуса долина Чулышмана различной широты, потому что береговья скалы во многихъ мѣстахъ очень близко подступаютъ къ рѣкѣ. Береговья горы суть тѣже негостепримныя стѣны скалъ, съ огромной высоты прямо опускающіяся къ рѣкѣ.

Послѣ обѣда Радловъ раскинулъ свою палатку недалеко отъ устья Чюлчэ. Здѣсь онъ пробылъ два дня и приготовилъ все къ отъѣзду на Абаканъ.

Оставляя Чулышманъ, путешественникъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія о жителяхъ окрестностей Телецкаго озера и Черневыхъ татарахъ.

Г. Гельмерсенъ первый сообщилъ ближайшія свѣдѣнія о жителяхъ окрестностей Телецкаго озера и пытался разъяснить происхожденіе черневыхъ татаръ. Онъ находитъ, что черневые татары, по внѣшности, по физиономіи, платью и обычаямъ; настолько отличаются отъ Тюрковъ и Монголовъ и столько имѣютъ сходнаго съ Финнами, что не затрудняется считать ихъ Финнами. Радловъ соглашается съ воззрѣніемъ Гельмерсена: по его мнѣнію, эти татары отнюдь не Тюрки или Монголы, а Самоѣдское племя; только онъ находитъ недостаточными доводы Гельмерсена. Обычай народа могутъ измѣниться точно также, какъ и языкъ, и еще легче, потому что народъ скорѣе поступаетъ

ся своими видными обычаями, нежели языкомъ. Что прежніе обычай оставили еще свои слѣды, это вѣрно; но Гельмерсенъ былъ слишкомъ недолго на Телецкомъ озерѣ, чтобы близко изучить обычай и образъ мыслей обитателей его окрестностей. Относительно фizioноміи весьма трудно произнести какой нибудь приговоръ безъ тщательнаго краниологическаго изслѣдованія и даже самое это изслѣдованіе не всегда можетъ дать конечные результаты, такъ, напримеръ, Финны и Самоѣды въ своей фizioноміи и строеніи черепа представляютъ почти непримримыя различія. Основанія, заставляющія Радлова считать Черневыхъ татаръ Самоѣдами суть слѣдующія: 1) ихъ родовыя названія совершенно разнятся отъ сосѣднихъ тюркскихъ племенъ; 2) они сами употребляютъ особое общее имя для всего народа, Инжъ-кнжи (чернолѣсные люди), другіе же называютъ ихъ Туба-кнжи (Тубинскіе люди). Именемъ Туба называютъ себя и Койбалы, а эти послѣдніе, какъ утверждаетъ Кастренъ, самоѣды. Если имя обоихъ народовъ происходитъ отъ притока Енисея Тубы, то это доказываетъ, что Бійскіе татары пришли оттуда. Здѣшніе жители увѣряютъ, что Сойоны на Кельчикѣ называютъ себя также именемъ Туба, а Сойоны—Самоѣды.

Всѣ эти татары раздѣляются на шесть поколѣній, изъ которыхъ каждое управляется Зайсаномъ. Къ каждому поколѣнію принадлежатъ различныя роды.

1) Поколѣніе Верхнихъ Коммандинцевъ. Роды: 1) Со; 2) Кубанъ.

2) Поколѣніе нижнихъ Коммандинцевъ. Роды: 1) Тастаръ, 2) Юты, 3) Чабашъ, 4) Тонъ.

3) Поколѣніе Кюсэнъ. Роды: 1) Кюсенъ, 2) Чэдэбэшъ.

4) Поколѣніе Тиргэшъ. Роды: 1) Тогусъ, 2) Юберъ, 3) Чыгаты.

5) Поколѣніе Коминошъ, Роды: 1) Компошъ, 2) Яланъ, 3) Ягрыкъ, 4) Тагъ, Чыгаты, 5) Паланъ.

6) Поколѣніе Юсѣ. Роды: 1) Юсѣ, 2) Шоръ.

Такимъ образомъ, только роды Юты и Шоръ созвучны съ Юты Кузнецкихъ Телеутовъ и Шорцами.

Считая этих инородцев Финнами, Радловъ однако же не смѣшиваетъ ихъ съ Телеутами, такъ какъ они никогда не называютъ себя Теленгетами. Телеуты, какъ справедливо говоритъ Клапротъ, Тюрки, а не Финны, какъ это достаточно подтверждается не только ихъ языкомъ, но и родовыми названіями и сказаніями. Какъ легко можетъ ввести въ заблужденіе вѣишность (одежда и обычаи), довольно ясно показывается воззрѣніе г. Гельмерсена на Томскихъ татаръ. Эти послѣдніе, какъ и Кузнецкіе ихъ сродичи, Телеуты, и исламъ распространился между ними не болѣе, какъ 60—70 лѣтъ. Родовыя названія Томскихъ татаръ телеутскія и почти всѣ историческія пѣсни Телеутовъ извѣстны Томскимъ татарамъ, да и сами себя они называютъ Теленгетами.

Черневые татары потеряли свой природный языкъ отъ вліянія этихъ Телеутовъ, которые окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ (на сѣверѣ Кузнецкіе Телеуты и на югѣ Двоеданскіе Телеуты), и говорятъ теперь тюркменскимъ діалектомъ.

Но Чулышманскіе Двоеданцы точно такіе же Телеуты, какъ и Чуйскіе. Они сами называютъ себя Теленгетами и и ихъ языкъ, обычаи и родовыя названія совершенно одинаковы съ Алтайцами. По мѣсту жительства они раздѣляются на два поколѣнія: Толосъ на Чулышманѣ и Уланъ на Башкоусѣ. Эти поколѣнія, въ свою очередь раздѣляются на девять родовъ, которые, подобно родамъ Черневыхъ татаръ, живутъ смѣшанно между собою. Эти роды суть: 1) Ытгасъ, 2) Мундусъ, 3) Коты, 4) Кыпчаки, 5) Сакаль, 6) Кобокъ, 7) Ыдакъ, 8) Алмаль и 9) Толосъ.

Какъ выше упомянуто, жители береговъ Чулышмана называются вообще Толосъ и этимъ же именемъ называютъ ихъ Черневые татары. Эти Толосы суть во всякомъ случаѣ потомки старинныхъ Телесовъ, которые дали свое имя Телецкому озеру. О происхожденіи этихъ Толосовъ нельзя сказать ничего положительнаго, а потому осталось нерѣшеннымъ, составляютъ ли они особое народное поколѣніе (финское или енисейско-остяцкое), или же теленгетское. Изъ памяти народа давно уже исчезло воспоминаніе о народѣ „Толосъ.“

Одинъ старій Толосъ рассказываетъ Радлову, что преж-

де Толосы говорили другимъ языкомъ, по этому разсказу нельзя придавать особеннаго значенія, такъ какъ другіе сродичи его отзывались объ этомъ незнаемъ.

Что касается до фізіономіи Толосовъ (Чулышманскихъ Телеутовъ), то здѣсь господствуетъ монгольскій типъ, какъ у всѣхъ Телеутовъ, точно также, какъ у Киргизъ-казаковъ, Тобольскихъ татаръ и даже Казанскихъ. Они живутъ по мадамъ. Точно такіе же номады Алтайцы и такими же еще лѣтъ 70 были Кузнецкіе Телеуты. Но это не можетъ повести ни къ какому заключенію относительно ихъ происхожденія, потому что Кайбалы и Сойоны, завѣдомо финскія поколѣнія и даже многіе изъ самихъ Самоѣдовъ еще до сихъ поръ номады, между тѣмъ, какъ тюркскія и монгольскія поколѣнія ведутъ осѣдлый образъ жизни. Жизнь номадовъ условливается характеромъ мѣстности, а не обычаями народнаго племени.

Какъ выше сказано, Толосы живутъ въ войлочныхъ юртахъ, которыя по формѣ точно такіе же, какъ у Алтайцевъ. Внутреннее устройство ихъ точно такое же. Посреди юрты находится треногъ; дверь противъ постели; направо разныя домашнія вещи, а налѣво—изображенія боговъ. Но напрасно бы вы искали сумъ съ движимымъ имуществомъ хозяина, что удивительнѣе тѣмъ болѣе, что Толосы извѣстны вообще за людей состоятельныхъ. На вопросъ Радлова объ этомъ обычай ему объяснили, что у обитателей здѣшней страны изстари существуетъ обычай прятать свою движимость въ горныхъ пещерахъ. Разсказываютъ также, что нѣкогда здѣсь длилась война и непріятель грабилъ ихъ пожитки, почему они и стали прятать ихъ въ горы, и что они дѣлаютъ это точно такъ же, какъ дѣлали ихъ отцы, хотя давно уже никакой войны нѣтъ.

Главныя занятія этихъ Толосовъ состоятъ въ скотоводствѣ и звѣроловствѣ. Небольшой снѣгъ зимою позволяетъ держать здѣсь большія стада скота. У Телецкаго озера держатъ больше всего козъ; на нижнемъ Чулышманѣ до Башкауса—коровъ, а на верхнемъ—овецъ. Во всякомъ случаѣ, Толосы не могутъ по богатству скота сравниться съ Чуйцами и Двоеданцами, такъ какъ здѣсь нѣтъ стада изъ нѣсколькихъ тысячъ головъ. У самаго богатаго Толоса въ этой странѣ, Темича Семырака, считается це-

многимъ болѣе сотни лошадей: особыхъ знаковъ для клейменія скота у Толосовъ нѣтъ,

Дикимъ звѣремъ здѣшняя страна очень богата; медвѣдь, олень, косуля, лось, антилопа, лисица, волкъ, выдра, соболь, росомаха и колонокъ находятся здѣсь частію въ горахъ, сопровождающихъ Чульшманъ, отчасти въ верховьяхъ Телецкаго озера. Звѣропромышленныя артели, человѣкъ въ 15, проникаютъ до китайской границы и возвращаются, большею частію, съ богатой добычею. Главное время промысла бываетъ осенью. Оружіе здѣшнихъ ииородцевъ тоже самое, что у Алтайцевъ и они приобрѣтаютъ его отъ Монголовъ на Чуфъ, рѣже отъ Алтайцевъ:

Изъ ремеслъ у нихъ извѣстно только кузнечное, которое здѣсь больше распространено, нежели на Алтай, такъ какъ различныя желѣзныя подѣлки Толосовъ, какъ-то: ножи, огнива, трубки, пряжки, застежки, удила, въ употребленіи у всѣхъ черневыхъ татаръ.

Такъ какъ торговля съ восточными сосѣдами Сайотами приноситъ немалыя выгоды, то часть Толосовъ занимается тѣмъ, что перепродаетъ Сайотамъ русскіе товары. Но объ этомъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

Радлова въ особенности удивило то обстоятельство, что Толосы обрабатываютъ землю гораздо тщательнѣе, нежели другіе черневые татары. Бѣдняки, у которыхъ нѣтъ скота, занимаются, главнымъ образомъ, земледѣліемъ. Они пашутъ землю плугами и какъ береговая полоса во многихъ мѣстахъ суха, то они удобряютъ и орошаютъ посредствомъ особенно устраиваемыхъ канавъ. Здѣсь сѣютъ ячмень, рожь и пшеницу, рѣдко овесъ. Если что либо изъ урожая остается отъ собственнаго употребленія, они промѣниваютъ состоятельнымъ на мясо, кожи, войлокъ, платье, тулупы и проч. Точно также бѣдные лѣтомъ собираютъ сѣно и отдаютъ его богатымъ на кормъ молодому скоту.

Общественныя отношенія Толосовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Весь этотъ народецъ походить на одно большое семейство и не знаетъ никакихъ сословныхъ различій. Каждый Толосъ—соплеменникъ, братъ, равный другому. Богатый *проситъ* своего бѣднаго сосѣда помочь ему въ работѣ и тотъ помогаетъ ему, по мѣрѣ силъ; бѣд-

ный приходит со всѣмъ своимъ семействомъ въ юрту богатаго, ѣсть тамъ досыта и получаетъ отъ хозяина одежду. Богатый даетъ бѣдному мясо и скоть, а бѣдный богатому сѣно, хлѣбъ и т. д. Самъ темчи нисколько не возвышается передъ другими и только, когда надѣваетъ свою китайскую шапку, ему оказываютъ должное почтеніе, какъ чиновнику. Между ними не бываетъ споровъ объ имуществѣ и наследствѣ; эгоизмъ и любостыжаніе далеки отъ нихъ. Они живутъ тихо, замкнуто, какъ дружелюбное семейство. Но за то у нихъ нѣтъ никакого стремленія къ прогрессу и образованію. Никто не трудится, чтобы что нибудь приобрести. Всякій живетъ въ старыхъ отношеніяхъ; богатый остается богатымъ; пока надежъ пли дикіе звѣри не уничтожатъ его скота; бѣдный остается бѣднымъ и живетъ въ своей дремной юртѣ, въ которой онъ родился и выросъ. Для чего станеть онъ трудиться? Богатый сосѣдъ снабжаетъ его пищею и одеждою. Ему нестыдно пользоваться этимъ, потому что онъ убѣжденъ что все это богатому Богъ далъ. Такимъ образомъ, жизненные отношенія этихъ дѣтей природы находятся въ застоѣ. Впрочемъ, у Толосовъ, живущихъ на Телецкомъ озерѣ и находящихся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Алтайцами, замѣчается уже нѣкоторый прогрессъ, который не замедлитъ вторгнуться и въ тихія долины Чулышмана,

Образъ жизни Толосовъ очень немногимъ отличается отъ образа жизни Алтайцевъ, Мужья и здѣсь работаютъ меньше, нежели жены, они ѣдятъ, пьютъ, спятъ и курятъ. Женщины исполняютъ всѣ домашнія работы, шьютъ платья, надсматриваютъ за скотомъ. Лѣтомъ, когда много молока, большая часть мужчинъ, какъ и на Чуѣ, постоянно пьяна и почти въ каждой юртѣ зажиточнаго человѣка находится снарядъ для приготовления водки. Пьяныхъ женщинъ Радловъ здѣсь не видалъ.

Приготовление пищи здѣсь такое же, какъ у Алтайцевъ, и, какъ тамъ, царствуетъ здѣсь нечистота. Многоженство у Толосовъ болѣе распространено, чѣмъ на Алгаѣ, однакожъ, рѣдко можно встрѣтить человѣка, у котораго было бы болѣе двухъ жень. Это встрѣчается и у Черневыхъ татаръ. Между женами, обыкновенно, господствуетъ величайшее согласіе. Старшая пользуется большимъ уваженіемъ, а младшая должна ей повиноваться; за то мужъ

больше любитъ младшую жену. Свадебные обряды здѣсь тѣже, какъ у Алтайцевъ.

Между Толосами существуетъ одинъ интересный обычай, не встрѣчающійся между другими инородцами. Если у женщины дѣти умираютъ еще маленькими и она опять родитъ ребенка, то необходимо, чтобы какая нибудь другая женщина, живущая въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ юрты и имѣющая своего грудного ребенка, взяла ночью новорожденного и вскормила его. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, она отдаетъ его настоящей матери и получаетъ за это подарки. Все это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы сохранить ребенка отъ вліянія злаго духа.

Религіозныя вѣрованія Толосовъ тѣже самыя, какъ и у другихъ Телеутовъ. Вездѣ слышатся одни и тѣже имена: Ульгәнъ и Ерликъ. Шаманское достоинство наследственно. Лошадь въ жертву приносятъ рѣдко, а больше овцу.

У Толосовъ существуетъ еще одинъ религіозный обычай, извѣстный и Черневымъ татарамъ, но не встрѣчающійся на Алтаѣ. Онъ состоитъ въ возліяніи, совершаемомъ въ честь божества каждый разъ, когда кто нибудь употребляетъ жидкое. Если Толосъ склоняется надъ ручьемъ, чтобы напиться, то онъ сперва погружаетъ въ воду 3—4 раза руку и брызгаетъ водою въ разныя стороны, шепча потихоньку: Кайраканъ! Кайраканъ! Точно также, — если онъ ѣстъ молоко или похлебку, то роняетъ нѣсколько капель жидкости на землю или брызгаетъ въ воздухъ.

### VIII.

29 Іюня Радловъ двинулся въ дальнѣйшій путь къ Абакану. Сперва онъ перешелъ Булышманъ, который образуетъ здѣсь два широкіе рукава, а потому мелокъ. Другая его сторона не лѣсиста и береговныя горы поднимаются голыми скалами. Самая долина рѣки довольно широка и поросла травой. Во многихъ мѣстахъ она обработана и орошена водопроводными канавами. Въ 3 хъ верстахъ, у рч. Кара—су находилась 4—5 бѣдныхъ юртъ. У устья Кара—су долина покрыта густымъ кустарникомъ. Перейдя эту рѣку, путешественникъ оставилъ долину Чулышмана. Сперва дорога шла густымъ лѣсомъ, потомъ стала зигзагами подниматься по голымъ береговымъ скаламъ, съ террасы на террасу. Она была очень затруднительна, такъ что лошади измучились. Поэтому, поднявшись на одну высокую террасу, Радловъ рѣшился на ней отдохнуть и переночевать.

Отсюда открывался восхитительный видъ на верхнюю долину Чулышмана. Она широка и тянется, какъ дорога въ лощинѣ, между крутыми горными стѣнами. Въ самой долинѣ рѣка извивается, какъ змѣя; отъ этой извилистости теченія, рѣка, вѣроятно, и получила свое название (глаголь *Чолыш* значить — класть крестъ на крестъ). Берегъ рѣки вездѣ обхваченъ каймой лѣса. Съ востока въ Чулышманъ впадаетъ Чольчу. Вблизи его устья долина широка и покрыта лѣсомъ; но самъ Чольчу невиденъ и обозначается только береговымъ лѣсомъ. Горы на правомъ берегу образуютъ рядъ трех-стороннихъ пирамидъ и между ними въ большихъ впадинахъ стоитъ густой и мрачный сосновый лѣсъ. Лѣвый берегъ значительно выше; на вершинахъ береговыхъ скалъ лежалъ снѣгъ и на заднемъ планѣ виднѣлись также снѣговія горы.

Лѣсистыя горныя вершины, которыя путешественникъ видѣлъ передъ собою вчера, на другой день, 30 Июня, оказались значительно круче, чѣмъ можно было полагать съ перваго взгляда. Онѣ были доступны только съ сѣверной стороны, при подъемѣ зигзагами. Склоны ихъ менѣе лѣсисты и почти голы. Дорога, ведущая по этимъ склонамъ, не болѣе  $\frac{1}{2}$  аршина ширины. Когда, сидя на лошади, смотришь внизъ, то кажется, что каждую минуту готовъ низвергнуться въ бездну. Проѣхавъ около 3-хъ верстъ, Радловъ достигъ первой террасы и тутъ начался опять густой лиственничный лѣсъ. Въ этомъ лѣсу онъ поднимался къ гребню горы все выше и въ теченіи часа добрался до широкаго лѣснаго плато, изъ котораго въ окрестностяхъ подвигалось до десяти лѣсистыхъ горныхъ вершинъ. Дорога здѣсь была очень дурна и болотиста. Чѣмъ выше путешественникъ подвигался, тѣмъ гуще становился лѣсъ; наконецъ, лиственницы уступили мѣсто кедрамъ. Послѣ еще часоваго подъема, кедръ стали рѣдѣть и, наконецъ, появились маленькіе, одиноко стоящіе, корявые, погнутые вѣтромъ въ одну сторону; далѣе уже не было и ихъ, а полуаршинный верескъ и обросшіе мхомъ камни были единственными предметами, представлявшимися глазамъ. Почва была болотиста и дорога дурна. Лошади безпрестанно тонули и освобождать ихъ нужно было съ большою осторожностью.

У истока Артыша, который пришлось теперь переходить и по его берегамъ встрѣтились опять низенькіе, согнутые и почти съ желтою хвоей кедръ. По ту сторону

Артыша горы поднимаются такъ высоко, что путешественникъ проходилъ по снѣжнымъ полямъ и, такимъ образомъ, въ 3-хъ верстахъ отъ Артыша, достигъ вершины горнаго гребня, между Кара-су и Чюлчо.

Погода была очень неблагопріятна, въ нижнихъ полосахъ шелъ дождь, превращавшійся, по мѣрѣ подъема на горы, въ градъ и снѣгъ. На вершинѣ было такъ холодно, что одежда Радлова и его спутниковъ замерзла.

Съ вершины горы открывался обширный видъ къ юго-востоку, но онъ представлялъ мало утѣшительнаго; высокія голыя массы скалъ—полосами перерѣзывали страну и къ югу тянулся зубчатый вѣчнымъ снѣгомъ покрытый, высокій горный хребетъ. Калмыки называли его *Кыякъ* и говорили, что онъ лежитъ по ту сторону Чюлчо.

Съ вершины горы, достигнутой—путешественникомъ, дорога теперь вела къ востоку въ долину. Почти два часа спускался онъ по каменистой и болотистой мѣстности, пока достигъ болѣе теплаго пояса. Здѣсь опять начался темный кедровый лѣсъ, а почва была покрыта мхомъ. Деревья также были завѣшены бѣлымъ мохомъ, такъ что зелень пробивалась только въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Многія деревья не могли вынести туеядныхъ растеній, посохли и мохъ съ ними. Теперь онѣ стояли какъ въ траурѣ, потому что мохъ виселъ, какъ черное покрывало на голыхъ вѣтвяхъ.

Гора была очень крута. Чѣмъ ниже путешественникъ спускался, тѣмъ мохъ становился рѣже, наконецъ совсѣмъ исчезъ и появились деревья съ свѣжею зеленью. Грудь стала дышать свободнѣе и спутники Радлова запѣли пѣсни, которыхъ неслышно было цѣлый день, потому что дорога, которою пришлось проходить, навела и на нихъ дурное расположеніе.

У подошвы горы течетъ рч. Сурія-су, впадающая въ Чюлчо. Путешественникъ перешелъ черезъ эту рѣчку и въ четырехъ верстахъ далѣе встрѣтилъ притокъ ея Келегей. Окружающія горы были низменны и покрыты лиственничнымъ и кедровымъ лѣсомъ; только къ Югу поднималось обширное ледяное поле Каяка. Вся рѣчная долина Келегея болотиста и покрыта мохомъ.

1 Июля погода была неблагоприятная и дождливая. Радловъ и его спутники перешли сперва Келенгей и потомъ поднялись на береговныя горы, лежащія по ту сторону. Горы низки, округлены и поросли лиственничнымъ и кедровымъ лѣсомъ. Дорога шла мимо двухъ озеръ, которыя Толосы называютъ Арсайкъ—Ваши (источники Арсайка:) Изъ обѣихъ, не болѣе  $\frac{1}{2}$  версты длиною, озеро текутъ двѣ рѣчки Арсайкъ, которыя въ 2 верстахъ западнѣе соединяются и впадаютъ въ Чюлчо. По ту сторону Арсайка дорога была дурна и проходила по болоту и камнямъ.

Много лѣтъ тому назадъ, здѣсь былъ большой лѣсной пожаръ. На разстояніи 15 верстъ всѣ окрестныя горы были покрыты остатками сгорѣвшаго лѣса. Печально поднимались голые стволы могучихъ лѣсныхъ великановъ; нѣкоторые изъ нихъ, сваленные вѣтромъ, истлѣли и обратились въ труху; другіе лежали поперекъ дороги, такъ что ихъ надо было далеко объѣзжать.

Около 3 часовъ послѣ обѣда, путешественникъ увидѣлъ къ сѣверу большое озеро (Сай Конышь Ваши), за которымъ поднималась большая гора. Это озеро составляетъ источникъ рч. Сай Конышь, пригока Чюлчо. Южнѣе отъ этого озера онъ прошелъ болото, въ которомъ лошади вязли по брюхо. Начиная съ самаго Телецкаго озера, его не беспокоили ни мошки, ни комары; здѣсь же были цѣлые рои тѣхъ и другихъ. Рѣчка Сай Конышь, которую за тѣмъ перешель Радловъ, около 40 шаговъ ширины. Ея берега поднимаются по крайней мѣрѣ на 60 футовъ высоты и рѣчка стрѣмится между огромными глыбами скаль. Отъ высоты этихъ береговыхъ скаль тянется по обѣ стороны голое плато около 4 верстъ шириною. Горы, ограничивающія большую котлообразную долину, густо поросли лѣсомъ. Радловъ и его спутники поднялись на сѣверо-восточную часть этихъ горъ. Хотя подъемъ былъ крутъ и затруднителенъ, однакожъ всѣ радовались, миновавъ болотистую долину. Свѣжая зелень лиственничныхъ деревьевъ, пестрые цвѣты и трава, покрывавшіе землю, оживили всѣхъ.

Вскорѣ послѣ того, они достигли лѣсистаго берега Чюлчо. Самой рѣчки еще не было видно, а только въ глубинѣ слышался ея ужасный шумъ. Узкая тропа змѣилась по дикому кустарнику чрезъ огромныя каменныя плиты;

то нужно было пробираться между глыбами скалъ, то вѣхать краемъ обрыва по выдавшимся скользящимъ и гладкимъ камнямъ. Наконецъ, утомленные, они дошли до рѣ. Сору, перебрали чрезъ нее въ 150 шагахъ отъ впаденія въ Чюлчо и чрезъ нѣсколько минутъ достигли самой этой рѣчки. Жосткія вѣтви испаранали Радлову до крови лицо и руки, и онъ считалъ себя счастливымъ, что могъ наконецъ отдохнуть, разбивъ здѣсь свою палатку.

Берега Чюлчо очень разнообразны. Дно долины покрыто густо лиственницами и кедрами; береговья горы, частію лѣсистыя, частію состоящія изъ голыхъ скалъ, имѣютъ какой то неопредѣленный блѣдный цвѣтъ. Правый берегъ, по которому слѣдовалъ путешественникъ вверхъ противъ теченія, покрытъ болотами. До того мѣста, гдѣ надо было перейти рѣчку, она была не болѣе 50 шаговъ ширины и неслась съ шумомъ и пѣною между глыбами скалъ; но съ этого мѣста ширина ея увеличилась вдвое и посреди ея видѣлись сухія песчавыя мѣста. На лѣвомъ берегу путешественникъ удалился на версту отъ рѣчки и вступилъ въ густой лѣсъ. Перейдя затѣмъ Шибить, небольшой притокъ Чюлчо, онъ скоро увидѣлъ, около 10 верстъ длиною, озеро Чюлчонунгъ Паши. Берега этого озера поросли, большею частію, лиственничнымъ лѣсомъ и съ обѣихъ сторонъ его поднимаются высокія стѣны скалъ, верхи которыхъ покрыты снѣгомъ. На другомъ берегу въ отдаленіи видѣлась высокая снѣговая группа, которую Толосы называли Абаканунгъ Паши (источникъ Абакана). Въ иныхъ мѣстахъ берега этого озера болотисты и доставляютъ пріютъ тучамъ различныхъ насѣкомыхъ.

Въ сѣверную оконечность озера впадаетъ рѣка Кунны, которую Радловъ перешелъ недалеко отъ устья. Окрестности озера и Чюлчо должны быть богаты звѣремъ, потому что въ различныхъ мѣстахъ были устроены изъ древесныхъ вѣтвей и дерна охотничьи хижинны, въ которыхъ звѣроловы собираются зимою ночевать. Толосы говорили Радлову, что та сторона Чюлчо составляетъ охотничью границу Союновъ и эти хижинны устроены Толосами. Но эта граница соблюдается здѣсь нестрога и Союновскіе охотники часто посѣщаютъ Чюлчо, между тѣмъ, какъ Чульшманскіе, съ св. ей стороны, проникаютъ до Кора-Кола.

По ту сторону Чюлчонунгъ Паши лѣсъ прекращается и

предъ глазами раскидывается голая болотистая равнина, окруженная съ обѣихъ сторонъ невысокими холмами, на вершинахъ которыхъ лежалъ снѣгъ. Кумны, по которому теперь слѣдовали путешественники, очень широка съ каменистымъ русломъ. Въ нее впадаетъ множество притоковъ. Далѣе къ истоку она дѣлится на два рукава, изъ которыхъ текущій на востокъ называется Кара-су, а текущій на сѣверо-востокъ Ташту (Каменистый).

Радловъ пошелъ по Ташту и, чѣмъ выше онъ поднимался по этому рукаву, тѣмъ болѣе видѣлъ, что упомянутая выше равнина расширяется къ сѣверо-востоку. Почва здѣсь покрыта, большею частію, валунами и мохомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ путешественникъ находилъ холмы изъ бѣлаго песку, 30—40 футовъ вышиною; песокъ этотъ былъ такъ рыхлъ, что лошадь глубоко тонула въ немъ. Откуда взялись здѣсь эти песчаные холмы, трудно объяснить: они представляютъ совершенно особенное явленіе. Деревья появляются въ равнинѣ по одиночкѣ и то совершенно изувѣченные кедры. У одного изъ песчаныхъ холмовъ Радловъ остановился на ночлегъ.

3-го Іюля онъ продолжалъ путь по правому берегу Ташты. Та же пустынная равнина, съ сопровождающими ее холмами, покрытыми снѣгомъ. Перейдя Ташту, путешественникъ направился нѣсколько болѣе къ западу, къ цѣпи холмовъ. Здѣсь онъ достигъ высоты, составляющей границу между системами Оби и Енисея. По ту сторону ея, мѣстность стала мало помалу понижаться, но вдали тянулись значительно высокія горныя массы и къ сѣверо-востоку рядъ высокіхъ, покрытыхъ снѣгомъ, вершинъ.—Первая рѣка Енисейской системы, лежавшая на пути, была Монъ, впадающая въ Каро-коль (Черное озеро). Перейдя Монъ, Радловъ направился лѣвымъ берегомъ внизъ по теченію этой быстрой рѣки и скоро достигъ до другаго ея рукава. Долина здѣсь значительно понижается, и зубчатые горы окружили путешественника. Здѣсь природа безпрестанно разнообразится. То видишь громадныя глыбы скалъ, въ различныхъ видахъ, покрытыя желтымъ мохомъ, то голые, мертвыя скалы, то роскошную растительность. Здѣсь вся пестро перемѣшана.

Здѣсь Радловъ прошелъ къ небольшому притоку Мона Кулагашу, который течетъ въ узкомъ руслѣ между круты-

ми береговыми горами. Дорога внизъ къ этой рѣчкѣ была до того крута, что каждую минуту надо было опасаться, какъ-бы не свалиться въ пропасть. Переходъ черезъ рѣчку также былъ опасенъ, потому что стремленіе воды было очень сильно, а русло покрыто большими камнями, такъ что шагъ лошади становился невѣрнымъ. Противоположная сторона Кулагаша была покрыта лиственницами. Такъ какъ путешественникъ могъ достигнуть Кара-Кола только поздно вечеромъ, а между тѣмъ дорога, особенно въ темнотѣ, была опасна, то онъ и остановился здѣсь на ночлегъ.

Отсюда открывался величественный видъ на Кулагашъ. Рѣчка текла между крутыми береговыми стѣнами. На этомъ берегу лежатъ лѣсистыя возвышенности, одѣтыя свѣжею зеленою лиственницъ. На томъ берегу-темножелтыя зубчатыя скалы, только одиѣ впадины которыхъ поросли лѣсомъ. На заднемъ планѣ возвышались черныя скалы шифера, на самыхъ высокихъ вершинахъ которыхъ разстилалось громадное снѣговое поле.

Къ сѣверу отъ Кулагаша путешественникъ прошелъ густой лиственничный лѣсъ, гдѣ почва была то камениста, то болотиста. На вершинѣ гребня горы лѣсъ сталъ рѣже, а почва еще каменистѣе. Гора опускается здѣсь почти отвѣсною скалою къ Мону и по выступу скалы идетъ дорожка по самому краю бездны, около 700 футовъ глубиною, и притомъ еще по покатымъ каменнымъ плитамъ. Лошади заупрямились и не хотѣли было переходить это опасное мѣсто, но нагайки подогвали ихъ. Будучи подверженъ головокруженіямъ, Радловъ потерялъ всякое мужество и, дрожа, смотрѣлъ въ бездну, куда могъ свалиться каждую минуту. Внизу ревѣлъ Монъ и, казалось, самымъ этимъ ревомъ давалъ предостереженіе смѣлымъ путешественникамъ. На самомъ концѣ выступа, состоявшемъ изъ покатої каменной плиты въ 6 футовъ длиною и не болѣе 4 шириною, лошадей нужно было поворотить, потому что тропинка переходила на лѣвую сторону скалы. Поворотъ возможенъ былъ только тогда, когда голова лошади лѣвымъ поводомъ была притянута почти къ самой сѣдельной лукѣ и, такимъ образомъ, она вынуждена была обернуться, не перемѣняя мѣста. Даже самые смѣлые горцы теперь умолкли и съ безпокойствомъ смотрѣли на опасное мѣсто. Что касается до Радлова, то у него, буквально, поднялись во-

лосы при видимой опасности, и, когда дошла очередь до него проходить это мѣсто, онъ закрылъ глаза и въ точности исполнилъ маневръ своихъ проводниковъ.

Послѣ этого обхода, тропинка на другой сторонѣ уступала казалась уже прекрасною удобною улицею. Достигнувъ долины, путешественникъ перешелъ быстрый падувъ Самлу Ырлажъ, который далѣе, шагахъ во 100, влвается въ Монъ; потомъ онъ снова долженъ былъ взлѣзать на береговья горы и потомъ ѣхалъ по гребнямъ и по спускамъ ихъ около 5—6 верстъ. Здѣсь долина Мона широка и лѣсиста. Горы на правой сторонѣ круты и скалисты, между тѣмъ, какъ на лѣвой онѣ довольно пологи и покрыты травою и валунами. И здѣсь дорога очень опасна, потому что идетъ большею частию на значительной высотѣ по краямъ обрывовъ.

Далѣе внизъ по теченію долина представляетъ очень разнообразныя виды; то она расширяется и имѣетъ луговой характеръ, то дѣлается лѣсостою. Послѣ обѣда, 4 Юля, у Мона, недалеко отъ Кара-кола, на большой веселой логонѣ, Радловъ увидѣлъ шесть сойонскихъ юртъ. Сойоны извѣстны въ цѣлой сторонѣ за воровъ, а потому, чтобы они не украли чего нибудь, онъ распорядился своихъ лошадей и вещи собрать въ одно мѣсто, а самъ, въ сопровожденіи трехъ Толосовъ, отправился въ юрту Сойонскаго Надзирателя (Шангда).

Юрта, на подобіе алтайскихъ, была войлочная въ видѣ сахарной головы; внутреннее ея расположеніе также ничѣмъ не отличалось отъ алтайскихъ юртъ. Сойонъ встрѣтилъ Радлова въ юртѣ, привѣтствовалъ, взявъ обѣ его руки и склонивъ къ нимъ свой лобъ, и со многими церемоніями и поклонами приглашалъ его сѣсть. Потомъ онъ досталъ бѣлый изъ козлиной кожи ремень и старался имъ подпоясать его, съ тѣмъ чтобы онъ оставилъ этотъ ремень у себя какъ знакъ пріязни. Такъ какъ этотъ Сойонъ часто бывалъ на Чулымшмацѣ, то зналъ Телеутскій діалектъ достаточно для того, чтобы понимать путешественника. Радловъ сказалъ ему, что намѣренъ идти на Абакацъ, что лошади его утомились и что, по этому, онъ хочетъ пробыть здѣсь дня 3—4. Далѣе онъ прибавилъ, что, какъ ему извѣстно, пребываніе чужеземцевъ между Сойонами опасно и цѣлостъ имущества ихъ необезпечена; а потому далъ ему понять, что у него есть распоряженіе своего прави-

тельства посѣтить эти страны; а какъ Бѣлый Ханъ (Русскій Императоръ) въ дружбѣ съ желтымъ Ханомъ (Китайскимъ), то онъ надѣется что не встрѣтитъ здѣсь ни малѣйшей непріятности; въ противномъ же случаѣ, найдется вынужденнымъ обратиться съ просьбою о защитѣ къ китайскому губернатору въ Улясутаѣ, который лично знакомъ Радлову; наконецъ, путешественникъ требовалъ, чтобы онъ отдалъ своимъ людямъ нужныя распоряженія по этому предмету. Эти слова не остались безъ дѣйствія, и Союнъ сталъ увѣрять путешественника, что онъ во всемъ свѣтѣ не можетъ быть такъ безопасенъ, какъ здѣсь, что можетъ повсюду пускать своихъ лошадей и оставить свои вещи безъ всякаго караула, такъ какъ изъ нихъ не пропадетъ даже бездѣлицы. Потомъ онъ подаль ему чашку кумыса и предложилъ свой пузырекъ съ нюхательнымъ табакомъ; это соответствовало здѣсь обычаю Калмыковъ передавать трубку. Радловъ велѣлъ разбить свою палатку недалеко отъ юрты.

Шаюгда твердо сдержалъ свое обѣщаніе, потому что, во время трехдневнаго пребыванія здѣсь путешественника, у него не пропало даже бездѣлицы. За подарки онъ могъ также получить отъ него разрѣшеніе вымѣнивать съѣстные припасы, т. е. баранину и козлятину, на пшеницу, холстинку, пуговицы и т. п.

Къ сожалѣнію, Радловъ не могъ собрать здѣсь подробныхъ свѣдѣній относительно обычаевъ Союновъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ было немного юртъ, а отъ распросовъ онъ долженъ былъ удерживаться, чтобы не возбудить подозрѣнія. Союны составляютъ очень значительное поколѣніе которое обитаетъ въ области Еншеса, къ югу отъ русской границы. Они раздѣляются на VI Зайсанствъ; во главѣ cadaго находится Зайсанъ, должностныя обязанности котораго соответствуютъ обязанностямъ Чуйскихъ Зайсановъ. Во главѣ всѣхъ ихъ стоитъ Союнскій князь Мюнко, а онъ подвѣдомственъ китайскому офицеру (Ка), который наблюдаетъ за дѣйствіями Мюнко и Зайсановъ. Очевидно, что такая система правленія значительно отличается отъ русской системы правленія Калмыками посредствомъ Зайсановъ. Алтайскіе Зайсаны, большею частію, суть только представители прежней власти и безъ русскихъ чиновниковъ не могутъ ничего предпринять и ни на что рѣшиться; чиновники же смотрятъ на нихъ только какъ на какихъ нибудь старшинъ въ деревняхъ. Такое отношеніе чи-

новниковъ подорвало значеніе Зайсановъ у народа. Уже у Двоedanцевъ они болѣе независимы, а потому пользуются большимъ уваженіемъ у своихъ подчиненныхъ. Между тѣмъ, Сойонскій Зайсанъ есть дѣйствительно мѣстный начальникъ.

Онъ носитъ знаки прочихъ китайскихъ чиновниковъ, пуговицу на шапкѣ; послѣдніе считаютъ его равнымъ себѣ и распоряженія правительства передаются народу только посредствомъ Зайсана. Онъ одинъ разбираетъ споры между своими подчиненными и ему одному принадлежитъ власть наказывать ихъ тѣлесно. Оттого, простой Сойонъ, приближаясь къ своему Зайсану, становится предъ нимъ на колѣни и не смѣетъ сѣсть безъ его позволенія. Подъ властью Зайсана находится цѣлый рядъ низшихъ должностныхъ лицъ: темичи, таиги и шаигды, которые исполняютъ приказанія Зайсана и доставляютъ ему свѣдѣнія о положеніи подчиненныхъ.

Большая часть Сойоновъ—номады и занимаются только скотоводствомъ. Главное ихъ богатство заключается въ крупномъ рогатомъ скотѣ; овецъ и козъ держать они незначительное число, а всего менѣе лошадей, по той причинѣ, что употребляютъ быковъ какъ для ѣды, такъ и для доставки тяжестей. Одинъ старикъ Сойонъ былъ очень удивленъ, что у Радлова и его спутниковъ не было быковъ, и увѣрялъ, что для ѣзды быкъ лучше лошади. По его мнѣнію, быкъ поднимаетъ двойную тяжесть противъ лошади и можетъ нести ее вдвое продолжительнѣе; кромѣ того, онъ способенѣ лазить и его копыта не портятся ни отъ камня, ни отъ воды, что нерѣдко случается съ лошадьми.

Сѣдла, которыя Сойоны кладутъ на своихъ быковъ, дѣлаются точно также, какъ и лошадиныя, только быковъ не уздаютъ. Въ носовую перегородку вкладываютъ имъ палочку, къ которой привязывается перевочка; она кладется чрезъ лобъ между обоими рогами животного, и, когда всадникъ дернетъ веревку направо или налево, то принуждаетъ этимъ быка идти въ ту или другую сторону. Если онъ дернетъ веревку назадъ, быкъ поднимаетъ голову прямо къверху и принужденъ остановиться. Ызда и перевозка тяжестей на быкахъ не рѣдко встрѣчается и у Чулышманскихъ Толосовъ.

Земледѣліемъ Сойоны занимаются очень мало и толь-

ко тѣ, которые живутъ близъ русской границы. Сѣютъ только ячмень.

Напротивъ, звѣроловство—самое любимое ихъ занятіе и они далеко извѣстны, какъ хорошіе звѣроловы. Подобно Двоеданцамъ, они отправляются на охоту артелями и по цѣлымъ недѣлямъ странствуютъ въ самыхъ недоступныхъ мѣстахъ, лѣтомъ на лошадяхъ, а зимою на лыжахъ. Какъ и Толосы, они устраиваютъ себѣ шалаши изъ вѣтвей для почлеговъ во время зимы. Оружіе они приобрѣтаютъ у Монголовъ; порохъ дѣлаютъ сами.

Пища Сойоновъ состоитъ изъ молока (сыръ, творогъ, кумысъ, водка) и мяса какъ дикихъ, такъ и домашнихъ животныхъ (бараны, козы, лошади, рогатый скотъ).—За дикими животными для мяса они охотятся и лѣтомъ. Бзжалыхъ лошадей и быковъ, а равно употребляемыхъ для перевозки тяжестей,—не бьютъ, утверждая, что мясо ихъ жестко и не вкусно. Бѣдные Сойоны употребляютъ въ пищу кандыкъ, дикій лукъ, калбу (*Allium ursinum*) и дикую рѣдьку, собирая большіе запасы ихъ на зиму.

Имущества распределены между Сойонами очень неравномерно; здѣсь господствуетъ большое богатство (по ихъ понятіямъ) на равнѣ съ самою ужасною бѣдностью, послѣдняя преобладаетъ. Какъ у Толосовъ, бѣдные живутъ здѣсь, большею частію, на счетъ богатыхъ. Но что касается до рассказовъ Пестерева, будто бы Сойоны ѣдятъ кожи и даже человѣческое мясо, то это чистый вздоръ. Проводники Радлова хохотали, когда онъ спрашивалъ ихъ объ этомъ.

Какъ Алтайцы и Чуйцы, Сойоны живутъ въ войлочныхъ юртахъ, внутреннее устройство которыхъ точно такое же, какъ и у первыхъ. Въмѣсто кожаныхъ сумъ, около стѣнъ разставлены китайскіе сундуки, и полъ у богатыхъ устланъ пестрыми киргизскими коврами.

Одежда мужчинъ проста и состоитъ изъ короткихъ кожаныхъ штановъ, сапогъ и тулупа. Только богатые носятъ рубахи и кафтаны изъ бумажной матеріи. На голову гладко выстриженную, какъ у Алтайцевъ, надѣваютъ китайскія шапки, покрытыя черной мерлушкой. Женщины носятъ длинныя платья изъ бумажной матеріи или тулупы. Волосы они заплетаютъ въ двѣ косы, не привѣсивая къ

нимъ никакихъ украшеній.

У сосѣдей своихъ Сойоны извѣстны, какъ народъ лукавый, мстительный, склонный къ воровству. Дѣйствительно ли это справедливо, Радловъ не беретъся рѣшить, такъ какъ пребываніе его между ними было непродолжительное.

Религія живущихъ здѣсь Сойоновъ—шаманизмъ по у живущихъ восточнѣе, вѣроятно, извѣстенъ и ламаизмъ. Вообще сосѣдство Монголовъ имѣло сильное вліяніе на нравы и языкъ Сойоновъ, потому что многіе изъ нихъ умѣютъ даже писать по монгольски.

Покойниковъ своихъ Сойоны кладутъ на подмости изъ жердей и покрываютъ ихъ принадлежавшею имъ одеждою. Радлову показывали здѣсь по близости такіе погребальные подмости. Они походятъ на мѣста жертвоприношеній Алтайцевъ и сдѣланы изъ крѣпкихъ жердей. Подлѣ покойника лежало его сѣдло узда и стремя.

Показаніе Двоеданцевъ, что Сойоны называютъ себя Туба—кижи—подтвердилось. Шангда говорилъ путешественнику, что здѣшніе жители были Тубинскіе люди изъ рода Сойонгъ. О названіяхъ другихъ родовъ нельзя было ничего дознать. относительно знаковъ, обозначающихъ собственность, говорили, что они у нихъ есть, но ближайшихъ подробностей объ этомъ собрать было невозможно.

Въ дополненіе къ этимъ краткимъ свѣдѣніямъ о Сойонахъ, Радловъ приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ автобіографіи телеута Чивалкова,—единственного сочиненія, написаннаго по телеутски.

„Я спросилъ одного Толоса, по имени Парынга: выгодно ли ѣздить на Кемчикъ къ живущимъ тамъ Сойонамъ и вести съ ними торговлю? Онъ отвѣчалъ:

Когда ѣдешь къ Сойонамъ и торгуешь съ ними русскими товарами, то эти послѣдніе обходятся въ высокую цѣну, между тѣмъ; какъ сойонскіе, при покупкѣ, за очень сходящую. За русскій товаръ цѣною на рубль ассигнаціями вымѣниваютъ сойонскихъ товаровъ на 5 рублей. Почти за одинъ фунтъ табаку берутъ тулупъ (т. е. столько мѣху, сколько надо на тулупъ), а тулупъ у черевыхъ татаръ сто-

ить 5 р. ас. За фунтъ желѣза на Кемчикѣ берутъ двѣ овчины. При мѣшѣ русскихъ товаровъ, всегда берется на рубль ассиг. пять рублей. Но если такая торговля выгодна, то вмѣстѣ съ тѣмъ и очень опасна. Если мы отправляемся туда, то отправляемся артелью, человекъ 20—30; ходить и въ меньшемъ числѣ, но никогда не меньше 10—15 человекъ, потому что, если не караулить товары, то будетъ все раскрадено.

„Когда на Кемчикѣ идетъ много людей, то всѣ товары складываютъ въ одномъ мѣстѣ и покрываютъ ихъ войлокомъ. Половина людей садится по краямъ этого войлока, вокругъ, а другіе отправляются торговать съ Сойонами. Тотъ или другой Сойонъ, чтобы украсть, будетъ стараться вырвать у тебя изъ рукъ что ты держишь и убѣжать; если ты вздумаешь догнать и задержать его, то въ это время другіе расхватываютъ товары и разбѣгутся; по этому не трагайся съ мѣста.

„Если ты подарить что нибудь Зайсану, то онъ вмѣсто отдарка, назначить Шангду охранять твою торговлю, пока она не окончится. У этого Шангды въ рукѣ, вмѣсто шпаги, палка, и онъ будетъ стоять, какъ караульный подлѣ тебя, если ты ему немного подарить, то онъ будетъ хорошо караулить; но если ты ему ничего не подарить, то онъ не скажетъ ничего, если бы и видѣлъ вора. До самаго твоего отбѣзда обратно необходимо чтобы одинъ или два человека караулили лошадей, спутавъ ихъ вмѣстѣ желѣзными путами, а при наступленіи ночи, приводятъ ихъ съ пастыбы и привязывали къ жилищу, или караулили, не спавши цѣлую ночь. Люди, которые собираются воровать, раздѣваются, ползутъ по землѣ на брюхѣ, распутываютъ лошадей, вскакиваютъ на нихъ и угоняютъ. Если ты погонишься за тѣмъ, кто украсть у тебя лошадь, то тамъ есть еще люди, которые раздѣлись и ждутъ; увидя, что ты ушелъ, они захватятъ и угонятъ остальныхъ твоихъ лошадей. Если люди, которые находятся въ палаткѣ, оставить ее и побѣгутъ къ лошадямъ, потому что ихъ товарищъ гонится за кѣмъ-то, то въ это время будетъ раскрадено все; по этому-то и надо много людей, когда хочешь ѣхать на Кемчикъ для торговли.

„Если кто нибудь обокраденный идетъ жаловаться Зайсану, то онъ отвѣтитъ: „схвати того, кто тебя обокралъ,

да приведи его сюда, и тогда я скажу свое рѣшеніе; а, если не поймалъ руками человѣка, то какъ я могу знать, кто обокралъ, и произнести рѣшеніе?“

„Одинъ купецъ съ двумя лошадьми отправился торговать съ Сойонами. Пріѣхавъ на мѣсто, спуталъ онъ своихъ обѣихъ лошадей желѣзными путами вмѣстѣ, потомъ онъ повѣсилъ въ своей палаткѣ котель. Обѣ спутанныя лошади пошли на долину и исчезли. Между тѣмъ, пока купецъ приготавливалъ котель для варенья, вошелъ человѣкъ съ лицомъ, испачканнымъ сажей, голыи и съ подвернутыми концами штановъ. Онъ подѣлъ къ нему и спросилъ: „чѣмъ ты торгуешь?“ пока купецъ доставалъ свою суму, этотъ человѣкъ опорожнилъ котелокъ, схватилъ его за ручку и пустился бѣжать. Тогда купецъ бросилъ свой мѣшокъ въ сторону и побѣжалъ за нимъ. Хотя онъ сначала и догонялъ его, однакожъ никакимъ образомъ не могъ удержать голога человѣка. Преслѣдовавшій былъ плотно одѣтъ и такъ какъ онъ едва дышалъ отъ жару, то вора не поймалъ и отсталъ отъ него. Но когда онъ ушелъ изъ своей палатки, пришли туда другіе люди и унесли суму и товары. Купецъ опечалился и пошелъ къ Зайсану, чтобы взять людей и поискать вора. Когда онъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ были лошади,—увидѣлъ, что одну изъ нихъ кто то убилъ и повѣсилъ спутанныя ноги, а другая была уведена. Тогда купецъ заплакалъ, пошелъ къ темичи и показалъ ему поги. Темичи сказалъ: „Долгогривая ты собака! зачѣмъ ты пришелъ сюда торговать? Если здѣшніе люди взяли твои товары и твоихъ лошадей,—кто можетъ ихъ преслѣдовать? Вмѣсто этого, иди своей дорогой, ступай домой!“ Купецъ заплакалъ и возвратился домой пѣшкомъ:“

Языкъ Сойоновъ составляетъ хотя и тюркскій діалектъ, но сильно подвергся чуждому вліянію и значительно уклоняется отъ всѣхъ извѣстныхъ діалектовъ. Кажется, что въ послѣднее время на него имѣлъ сильное вліяніе монгольскій языкъ и надо ожидать, что со временемъ Сойоны станутъ совершенно Монголами.

Во все время пребыванія Радлова у Сойоновъ, стояла сухая погода. Лошади отдохнули и поправились; по этому надо было ѣхать дальше. Но, къ сожалѣнію, наканунѣ отъѣзда, опять начался дождь и спутники его рѣшились вызвать хорошую погоду посредствомъ заклинаній.

Вѣра въ возможность этого распространена между всѣми Алтайскими племенами. Есть извѣстныя семейства, въ которыхъ эта сила переходитъ отъ отца къ сыну. Нѣкоторые изъ этихъ заклинателей погоды извѣстны далеко въ окрестности и, говорятъ, до того распоряжаются погодою, что могутъ сдѣлать, чтобы солнце свѣтило имъ въ лицо, а въ спину хлестала дождь. Для заклинаній употребляется камешекъ (Яда-ташъ), сходный съ горнымъ хрусталемъ. Этотъ камешекъ долженъ имѣть особенныя качества, составляющія тайну посвященныхъ. Яда-ташъ, на шнуркѣ въ футъ длиною, привязываютъ къ палкѣ. Заклинатель погоды держитъ сперва этотъ камешекъ надъ огнемъ такъ, чтобы онъ закоптился отъ дыма; потомъ махаетъ палкою по воздуху во всѣ стороны и произноситъ свои заклинанія. Содержаніе нѣкоторыхъ заклинаній чародѣи перѣшаютъ сообщить никому, потому что въ такомъ случаѣ, ихъ собственные разговоры потеряютъ всякую силу.

Однакожъ, не смотря на заклинанія, погода не сдѣлалась лучше, и Радловъ оставилъ Кара-коль при сильномъ дождѣ. Путешественники направились къ сѣверо-востоку и поднялись на сѣверный хребетъ въ долину рч. Элдюкэмъ, небольшого притока Мона. Сперва дорога вела по террасообразнымъ уступамъ зеленыхъ луговъ, потомъ они вступили въ густой лиственничный лѣсъ. Версть чрезъ 5 лѣсъ сталъ рѣже и, наконецъ, на высотѣ береговыхъ горъ и чезетъ совсѣмъ. Здѣсь окружили ихъ голыя купы горъ, которыя были, большею частію, покрыты болотами и валунами. На высотѣ горнаго гребня, который во многихъ мѣстахъ былъ покрытъ уже снѣгомъ, было такъ холодно, что мокрое платье путешественниковъ замерзло, и скоро поднялся такой ураганъ, что съ трудомъ можно было держаться на лошади. Дождь, который мочилъ ихъ по утру, превратился здѣсь въ мелкій снѣгъ. Съ высоты горнаго хребта долженъ открываться обширный кругозоръ, но къ сожалѣнію вся окрестность была одѣта туманомъ и можно было только видѣть что по ней лучеобразно тянулись большіе горныя хребты! На самомъ высокомъ мѣстѣ горной вершины стоялъ Обо (куча камней) и каждый изъ спутниковъ Радлова положилъ на немъ въ жертву по камню.

По ту сторону пройденнаго хребта видны были къ сѣверу въ ущельяхъ долины три маленькія рѣчки, по словамъ проводниковъ, онѣ впадаютъ въ Абаканъ.

Подъ гору, какъ направлялась дорога, ѣзда была еще труднѣе, чѣмъ на гору, потому что спуски были круты и большія глыбы камня покрывали землю. Радловъ и его спутники должны были ѣхать около трехъ верстѣ вдоль края, пока нашли менѣе крутое мѣсто, гдѣ спускъ былъ болѣе легокъ. Наконецъ, они достигли долины, перерѣзанной небольшоимъ ручьемъ. Здѣсь опять появилась зелень и чѣмъ ниже они спускались, тѣмъ оживленнѣе становилсь берега. Лиственничный лѣсъ тянулся вдоль покатей; зелень кустарниковъ и цвѣты нѣжили глаза. Но это продолжалось недолго, скоро оставили они рѣчку и долину, и стали опять подниматься на лѣсистую береговую стѣну. Чѣмъ выше поднимались, тѣмъ рѣже становился лѣсъ, и, какъ только они достигли высоты, ихъ снова окружили дикія желто-сѣрыя купы.

Здѣсь дорога шла по высотѣ гребня; путешественники перешли 4—5 горныхъ купъ и только рѣдко спускались такъ низко, что находили изуродованные кедры. Поздно вечеромъ они остановились ночевать въ небольшомъ ущельи.

9-го Юля, до обѣда Радловъ продолжалъ путь по высотѣ гребня. Погода теперь была лучше, нежели въ предшествовавшей день, и онъ могъ ясно различить нѣсколько горныхъ хребтовъ, которые почти въ параллельномъ направленіи другъ къ другу тянулись на сѣверо-востокъ. Горы къ востоку были выше и поднимались далеко за линію снѣговъ, между тѣмъ, какъ къ западу даже на самыхъ высокнхъ горныхъ купахъ нигдѣ не видно было снѣга. Путешественники перешли до 10 рядовъ горъ, но не спускались до лѣсной полосы.

Около полудня они подошли къ высокому конусу, вершина котораго была покрыта снѣгомъ. Такъ какъ онъ къ востоку былъ скалистъ, то его приходилось объѣхать съ западной стороны. Здѣсь онъ до самаго подножія опускается обрывомъ и надо было ѣхать вдоль высоты этого обрыва. Галька, покрывавшая обрывъ, скользила подъ копытами лошадей и одинъ невѣрный шагъ могъ свергнуть въ бездну и всадника и лошадь. Когда они проѣхали по этой галькѣ около часа времени, густой туманъ такъ окружилъ ихъ, что за 10 шаговъ впередъ не было ничего видно и, чтобы не потеряться, они должны были образовать тѣсно сомкнутый рядъ. Спустя еще часъ ѣзды, они счастливо обогнули конусъ.

и стали опять подниматься на очень затруднительный гребень. Чѣмъ выше они поднимались, тѣмъ туманъ становился гуще, и когда они достигли наконецъ вершины, то увидѣли, что они подлѣ самаго края скалистой пропасти, которая опускалась довольно круто. Проводникъ объяснилъ, что онъ держался слишкомъ восточнаго направленія, и путешественники принуждены были вернуться. Къ счастью, южный склонъ, который они нашли, былъ не такъ крутъ и имъ удалось, хотя съ большимъ трудомъ и успіемъ, добраться до рѣчной долины. Но такъ какъ здѣсь вгдѣ не было мѣста для почлега, то они отправились опять къ горной цѣпи, лежащей на западъ, и попали на небольшую тропинку, которая привела ихъ въ долину. Здѣсь было такъ вѣтренно, что они, насколько было возможно, поспѣшили впередъ. Къ ужасу ихъ, тропинка дѣлала поворотъ, шла опять въ гору и вела все выше; скоро они опять были окружены густымъ туманомъ. Вдругъ, на каменистой почвѣ тропинка исчезла и они на удачу направились къ сѣверу. Начинало уже смеркаться, какъ вдругъ раздался крикъ „стой“, и они опять очутились на краю крутаго склона. Теперь о возвратѣ нечего было и думать. Они сошли съ лошадей и, держа ихъ въ поводу, поползли вдоль края склона. Черезъ полчаса, они нашли менѣе крутое мѣсто, которымъ и спустились въ долину. Утомленные и измокшіе путешественники достигли, наконецъ, при совершенной темнотѣ, до одного маленькаго ручья, гдѣ и переночевали.

10 Августа рано утромъ проводникъ Радлова поѣхалъ отыскивать дорогу и радостно возвратился съ извѣстіемъ, что къ востоку простирается долина, по которой лежитъ широкая наѣзженная дорога. Радловъ велѣлъ поэтому, какъ можно скорѣе сѣдлатъ лошадей. Погода была прекрасная и небо ясно, такъ что путешественники могли любоваться превосходнымъ видомъ къ юговостоку отъ мѣста стоянки. Разнообразно тянулись къ востоку горныя цѣпи, поднимались все выше и на горизонтѣ блестяли высокія снѣжныя вершины Сойонскихъ горъ. Невысокія группы на переднемъ планѣ были покрыты густою лѣсною растительностію, но громадныя, терассообразныя хребты на заднемъ планѣ устремляли къ голубому небу свои голыя и скалистыя вершины. Нерушимая тишина царствовала повсюду. Ни одинъ звѣрь не забредетъ въ эту высокую и пустынную горную страну; даже цвѣты и кустарники боятся холоднаго вѣтра, который разгуливаетъ здѣсь. Немногія кедровыя деревья, находившія-

ся здѣсь, состарились преждевременно и склонили къ землѣ свои изуродованные стволы.

Часа черезъ полтора, путешественники достигли упомянутой долины. Она была около 500 шаговъ ширины и роскошно поросла травой и кустарниками. Посреди ея текла довольно широкая рѣчка, по берегамъ которой шла наѣзженная дорога.

Теперь, казалось, всѣ страданія путешественниковъ окончились и они, распѣвая пѣсни, ѣхали далѣе. Вдали видѣлись горы пониже и проводникъ Радловъ утверждалъ, что они проѣхали уже китайскій пограничный знакъ (Обо) и завтра вечеромъ достигнутъ Абакана.

Въ теченіи двухъ часовъ ѣзды, долина мало измѣнилась, только густой лѣсъ или кусты тальника доходили часто до самаго берега рѣчки; но вдругъ почва стала болотистою, дорога направилась къ береговымъ горамъ и стала извиваться тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе путешественники ѣхали между громадныхъ обломковъ скалъ. Направленіе ея перемѣнилось къ востоку и скоро они потеряли изъ виду широкую рѣчную долину.

Когда они проѣхали еще нѣсколько часовъ, дорога поворотила опять внизъ въ долину небольшой рѣчки, которая должна быть притокомъ предыдущей. Здѣсь дорога раздѣлялась на двѣ вѣтви—одна шла на востокъ, а другая на сѣверо-востокъ. Проводникъ полагалъ, что они забрались слишкомъ къ востоку и должны взять теперь сѣверо-западное направленіе, но Радловъ былъ такого мнѣнія, что надо избрать дорогу, направляющуюся къ востоку; однакожь, проводникъ противорѣчилъ и увѣрялъ, что онъ знаетъ положеніе горъ. Путешественники послѣдовали по дорогѣ, избранной проводникомъ, которая тянулась вдоль упомянутой выше рѣчки.

Около версты ѣхали они по безлѣсной луговой мѣстности, но вдругъ очутились въ густомъ кедровомъ лѣсу. Земля была покрыта густымъ слоемъ мха и нельзя было найти ни малѣйшаго слѣда дороги. Повалившіяся деревья, впадины, скалы, обломки скалъ принудили путешественниковъ блуждать туда и сюда, такъ что они только вечеромъ добрались до одного потока и тутъ заочевали.

15-го Юля, послѣ пяти тяжелыхъ дней, Радловъ и его спутники снова попали въ прекрасную долину, которую оставили 10-го утромъ. Но въ какомъ видѣ они были! Всѣ они были жестоко изнурены тяжелымъ страствованіемъ. Провіантъ ихъ пришелъ къ концу и для продовольствія спутниковъ надо было убить одну изъ 11 лошадей, составлявшихъ караванъ. Самъ Радловъ послѣдніе три дня питался только горохомъ, свареннымъ въ водѣ, безъ соли. Лошади находились въ самомъ жалкомъ состояніи. Копыта ихъ были попорчены, ноги изранены, спины посбиты, такъ, что бѣдные животныя едва въ состояніи были двигаться. Чтобы добраться до Сайоновъ, надо было употребить еще два дня по ужасной каменной дорогѣ. Радловъ не зналъ, какимъ образомъ удастся сдѣлать это. Спасеніе зависѣло отъ хорошей погоды, потому что если бы она не переѣнилась, то половина лошадей не могла бы дойти до Каракола.

Страданія, перенесенныя путешественниками въ послѣдніе дни, едва возможно описать. Три дня они кружили по пустынному лѣсу, который по справедливости заслуживаетъ названіе первобытнаго. Въ первый день проводникъ утверждалъ, что надо перейти рѣку, у которой почевали; но, къ сожалѣнію, нигдѣ нельзя была отыскать брода, потому что ея могучая водная масса была высока и, пѣнясь, неслась съ такою силою, противъ которой не могла устоять ни одна лошадь. Поэтому они слѣдовали берегомъ внизъ по теченію. Почва, по которой они ѣхали, была равнина, покрытая толстымъ слоемъ скользкаго моха, который скрывалъ всѣ ея неровности и даже глыбы скалъ и большіе камни. Часто этотъ обманчивый покровъ скользилъ подъ ногами лошадей и онѣ вмѣстѣ съ всадниками падали въ ямы въ 4—5 футовъ глубины. Въ подобныхъ случаяхъ, караванъ долженъ былъ останавливаться и соединенными силами вынимать лошадь изъ ямы. Проѣхавъ въ теченіи шести часовъ, съ невыразимыми мученіями, одну версту впередъ, они были останавливаемы болотомъ, при переходѣ чрезъ которое лошади вязли по брюхо. Такъ какъ оказывалось, что болото невозможно было перейти, то надо было дѣлать объѣздъ и только поздно вечеромъ удалось имъ снова достигнуть до оставленной рѣки. Мясо, взятое Радловымъ на Караколѣ, совершенно испортилось отъ непрерывнаго дождя, сдѣлалось негоднымъ къ употребленію и выброшено. Поэтому онъ велѣлъ убить одну изъ лошадей.

На другое утро путешественники нашли недалеко от ночлега бродъ въ рѣкѣ и перешли ее тутъ безъ особаго поврежденія. Другой берегъ былъ менѣе каменистъ, но здѣсь предстояли новыя страданія. Безчисленное множество повалившихся древесныхъ стволовъ вездѣ загораживало проходъ; притомъ береговыя горы, по которымъ нужно было карабкаться, были столь круты, что чрезъ каждые полчаса надо было останавливаться и дать вздохнуть утомленнымъ лошадямъ. Почти каждую минуту являлась какая нибудь остановка; то упавшія деревья громоздились почти непреступной стѣной, и лошадей надо было силою проводить между ними; то эти стволы являлись до того густо заросшими кустарникомъ, что надо было дѣлать просѣки топоромъ.

Проблуждавъ цѣлыхъ два дня съ утра до ночи по лѣсистымъ горнымъ цѣнямъ, путешественники достигли наконецъ подошвы высокой горы, вершина которой была безлѣсна, и расположились тутъ ночевать. По утру четвертаго дня они счастливо достигли вершины этой горы, и могли отсюда ориентироваться относительно направленія своего странствованія. Такъ какъ ихъ лошади были до того истощены, что не въ состояніи были дойти до Абакана, да и проводникъ объяснилъ, что онъ потерялъ слѣды настоящей дороги, то Радловъ рѣшился возвратиться отсюда. Встрѣченный имъ случайно старій телескій охотникъ показалъ ему хребетъ, чрезъ который они пришли отъ Каракола, и взялся проводить ихъ обратно. Поэтому, безъ дальнѣйшей медленности, путешественники направились назадъ.

Замѣчательно, какимъ образомъ новый ихъ проводникъ, безъ компаса, въ лѣсу и при дурной погодѣ, могъ держаться настоящаго направленія и какъ онъ чрезъ чащу въ теченіи двухъ дней привелъ ихъ въ знакомую уже долину Чюлчо.

Обратный путь былъ почти столько же затруднителенъ, какъ и передній; но дорога была облегчена нѣсколько тѣмъ, что верстъ на 15 шла охотничьей тропею.

Радловъ употребилъ всѣ мѣры къ тому, чтобы защитить своего бѣднаго проводника отъ злобы остальныхъ спутниковъ, такъ какъ причиною того, что онъ сбился съ пути было не столько незнаніе имъ дороги, сколько неблагоприятная погода, которая лишала его всякой возможности понять свою ошибку. Этому бѣднаго человѣка осыпали ру-

гательствами и надо было опасаться, чтобы они не обратились въ побой.

16 и 17 Июля погода была великолѣпная и къ вечеру 17 числа путешественники добрались до Кара-кола. Ъзда была очень затруднительна, потому что лошади могли идти только тихимъ шагомъ. Чтобы выиграть время (къ чему побуждалъ ихъ недостатокъ съ стныхъ припасовъ), они отправились въ путь съ восходомъ солнца и останавливались только съ наступленіемъ ночи.

Когда они дошли до того мѣста, гдѣ находились юрты Сойоновъ, то не нашли уже ихъ здѣсь; по недостатку корма, они откочевали дальше въ горы.

На другое утро въ палатку Радлова явился Шангда въ сопровожденіи Зайсана, завѣдующаго этими мѣстами. Увидѣвъ жалкое положеніе путешественниковъ, которое къ сожалѣнію нельзя было и скрыть, они стали не слишкомъ-то дружелюбны и зайсанъ запретилъ мѣнять провіантъ на товары, прежде чѣмъ Радловъ подарилъ ему два фунта пороха и бутылку водки; тутъ же онъ разрѣшилъ ему остаться на этомъ мѣстѣ въ теченіи двухъ дней.

Къ сожалѣнію, всѣ ненужныя вещи, какъ котелокъ, треногъ, кошмы и проч., путешественники оставили во время своего странствованія, съ цѣлію облегчить лошадей, а потому у нихъ оставалось очень немного такого, что можно бы было промѣнять Сойонамъ. Фунтъ пороху и свинець были промѣнены на двухъ барановъ и для того, чтобы пріобрѣсти еще, покрайней мѣрѣ, козу Радловъ обрѣзаль у своего платя всѣ металлическія пуговицы и, когда этого было недостаточно, прибавилъ еще къ этому пестро вышитый жилетъ.

Теперешнее пребываніе Радлова у Сойоновъ было неудобно для изслѣдованій, потому что Зайсанъ запретилъ ему посѣщать юрты Сойоновъ, и своимъ людямъ велѣлъ держаться подале отъ палатки путешественника.

Послѣ четырехдневнаго путешествія, Радлову и его спутникамъ удалось счастливо добраться до Чулышмана. До Арсаяка лошади еще держались, но отсюда пришлось оставить въ разныхъ мѣстахъ семь лошадей, которыхъ должна была доставить на Чулышманъ одна торговая ар-

тель изъ Двоедицевъ, при возвращеніи ся съ Алаша. Чтобы обратить вниманіе этихъ людей на оставленныхъ животныхъ на чистомъ мѣстѣ подлѣ дороги, гдѣ оставлена лошадь, вбивается шесть, къ которому привязываютъ конное сѣдло, а къ сѣдлу вѣтку, направленную однимъ выюцемъ къ Чулышману. Къ вѣткѣ привязываютъ выдернутый изъ гривы клочекъ волосъ.

На распросы Радлова, что означаютъ эти знаки, спутники объяснили, что всякій волосъ, который пробѣдетъ этою дорогою, пойметъ эти знаки слѣдующимъ образомъ: „здѣсь есть лошадь такой масти, какъ клочекъ волосъ; осѣдай ее и приведи туда, куда показываетъ конецъ вѣтки.“ Звѣроловы употребляютъ много знаковъ для переговоровъ между собою, напримѣръ, вѣтка, привязанная къ шести горизонтально, означаетъ: „иди туда, куда показываетъ конецъ вѣтки.“ Двѣ вѣтки, укрѣпленныя на шесть, такъ, что концы ихъ показываютъ противоположныя направленія, означаютъ: „я пошелъ туда, но приду сюда опять, жди здѣсь.“ Воткнутыми другъ подлѣ друга палочками обозначаютъ число дней, когда предполагаютъ возвратиться и т. п.

21 Юля вечеромъ путешественники раздѣлили послѣдніе остатки провизіи и въ теченіи послѣднихъ 48 часовъ, при большой напряженности и холодномъ воздухѣ, терпѣли немало отъ голода. 22 Юля, послѣ обѣда они попали на 8 черневыхъ татаръ, возвращавшихся изъ торговой поѣздки на Алашъ, и уже радовались, что у нихъ можно будетъ достать сколько нибудь пищи; но тѣ и сами три дня ничего не ѣли. Голодь безъ остановки гналь путешественниковъ впередъ, даже страшные горные обрывы не препятствовали имъ ѣхать по ночамъ и, такимъ образомъ, въ часъ ночи 24 Юля они счастливо добрались до юртъ на Чулышманѣ. „И не въ состояніи достаточно описать, говоритъ Радловъ, съ какимъ аппетитомъ я шлъ тогда кумысъ и ѣлъ поджаренную ячменную крупу,—кушанье, которое прежде для меня было противно; мнѣ казалось, что я во всю жизнь не пировалъ такъ.“

Отъ продолжительныхъ дождей Чулышманъ такъ поднялся, что здѣсь перейти его было невозможно; поэтому путешественники продолжали ѣхать дальше по правому берегу рѣки. Тутъ не попадалось ни одной юрты. Рѣчная долина была узка и почва покрыта большею частію галькою.

По ту сторону большого обрыва, который прямо опускался до берега рѣки, они нашли небольшой полуразрушенный челнокъ и переправились въ немъ чрезъ рѣку. Эта переправа была небезопасна, потому что рѣка здѣсь весьма быстра и челнокъ, который могъ поднять только двухъ человекъ, при каждомъ переѣздѣ до половины наполнялся водою. Переправа чрезъ рѣку въ этомъ челнокѣ продолжалась часа два, и только около 3 часовъ пополудни достигли они устья Башкоуса. На Башкоусѣ они нашли также два, но очень маленькихъ челнока, которыми и воспользовались для переправы чрезъ рѣку, потому что и здѣсь вода была слишкомъ высока для того, чтобы можно было перейти ее въ бродъ. Башкоусъ много быстрѣе Чульшмана. Путешественники ѣхали по берегу его 6—8 верстъ и переночевали въ лѣсу, въ береговой долинѣ, близъ нѣсколькихъ юртъ.

25 Июля, около 10 часовъ утра они двинулись въ дальнѣйшій путь при великолѣпной погодѣ. Теперь багажъ Радлова былъ очень малъ, такъ что ему понадобилось только 8 лошадей и 3 проводника. Провіантомъ онъ запасся на нѣсколько дней; не было только соли.

Радловъ рѣшился совершить обратный путь по дорогѣ, лежащей на западъ отъ телецкаго озера.

Къ югу отъ рч. Альчimana путешественники достигли береговыхъ горъ Чульшмана. Скалы поднимаются здѣсь почти перпендикулярно; только во впадинахъ вьется извилинами узкая тропинка. Сперва стѣна скалъ образуетъ нѣсколько террасъ, поросшихъ густымъ березовымъ и осиновымъ лѣсомъ; но потомъ лѣсъ прекратился и остались только низкіе кустарники въ ущельяхъ. Дорога шла иногда надъ обрывомъ въ 600 футовъ высоты. На вершинѣ альчиманскихъ горъ, откуда открылся великолѣпный видъ на телецкое озеро и долину Чульшмана, дорога стала менѣе крута, склоны и ущелья были покрыты лѣсомъ изъ кедра и пихты. Отъ р. Альчimana, до которой Радловъ достигъ чрезъ горы, онъ пересѣкъ переваль, отдѣляющій р. Альчимаанъ отъ р. Аба, впадающей въ р. Чили. Вершина перевала поднималась выше предѣльной линіи лѣсовъ. Спустившись по долинѣ р. Аба въ долину р. Чили, по послѣдней вверхъ до р. Актыра, Радловъ по долинѣ послѣдней поднялся на горы, отдѣляющія ее отъ р. Тото, другой притокъ р. Чили, а

отсюда поднялся на высокое, обширное и безлѣсное плоскогорье, лежащее къ югу отъ истоковъ р. Бижи, впадающей слѣва въ р. Бію.—Спускъ отсюда въ долину р. Бижи частью проходитъ по скаламъ, поросшимъ кустарниками, частью по болотамъ. Рѣка Бижи течетъ между низкими, покрытыми лѣсомъ, краями горъ, изъ которыхъ правый круто падаетъ къ рѣкѣ, лѣвый же находится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея. Въ долинѣ Бижи живетъ значительное населеніе изъ черневыхъ татаръ; спускаясь къ рѣкѣ, путешественникъ видѣлъ много юртъ, стоговъ сѣна и обработанныхъ полей. Особенно часты юрты становятся тамъ, гдѣ чернь прекращается, рѣка становится широкою и сопровождается лугами. Здѣсь на каждыя почти 2—3 верстахъ встрѣчаются деревеньки. Жители ихъ бѣдны, живутъ въ берестяныхъ юртахъ, скота держатъ мало и живутъ только хлѣбопашествомъ, которое производятъ въ ограниченномъ размѣрѣ.

31 Юля Радловъ продолжалъ свой путь по р. Угонь, въ долинѣ котораго исчезъ послѣдній слѣдъ черни. Березовый и осиновый лѣсъ, прерываемый свѣжею зеленою луговъ, тянется вдоль рѣки. Около полудня онъ прибылъ въ небольшую деревеньку, населенную ясачными крестьянами и крещеными татарами. Эти люди живутъ зажиточно и дома ихъ находятся въ отличномъ состояніи. Они занимаются земледѣліемъ и пчеловодствомъ. Вечеромъ путешественникъ прибылъ въ деревню татарскаго Зайсана (изъ поколѣнія Компошъ), которая была расположена на р. Кара-Копши и заночевалъ здѣсь. И здѣсь татары живутъ, какъ по Біѣ, занимаясь пчеловодствомъ.

Въ слѣдующей деревнѣ, подъ названіемъ Пасагылъ, Радловъ оставилъ долину р. Кара-Копши и чрезъ высокій горный кряжъ перевалилъ въ долину р. Иши, притокъ р. Катуня. На р. Ишу онъ выѣхалъ при деревнѣ Ташту (каменная), населенную крещеными Коммандинцами. Эти Коммандинцы живутъ въ небольшихъ, очень чистыхъ деревянныхъ домахъ и во многихъ отношеніяхъ уже обрусѣли. Хотя мѣстность здѣсь довольно ровная, однакожь на телѣгѣ все еще ѣхать было нельзя, и надо было послѣднія 7 верстъ до первой русской деревни продолжать путь верхомъ. Достигнувъ деревни, Радловъ расположилъ свой багажъ на двѣ

другія тѣлѣги и направился нѣсколько сѣвернѣе миссіонерскаго стана Улала, по дорогѣ въ Бійскъ. (\*)

1-го Августа онъ былъ уже въ г. Барнауль.

---

(\*) Переводъ настоящей статьи сдѣланъ умершимъ въ  
Апрѣль мѣс. сего года Княземъ Н. А. Костровымъ      Ред.

Перепечатано изъ №№ 7, 40, 42, 43 и 46 1880 г. и въ  
№№ 2, 3, 5, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 18, 22, 26, 32, 34 и  
35 1881 г. Том. Губ. Вѣдом.